

С. Аскольдовъ.

СОЗНАНІЕ КАКЪ ЦѢЛОЕ.

Психологическое понятие личности.

Отдѣльный оттискъ изъ „Психологическаго Обозрѣнія“ № 1—2

МОСКВА. — 1918.
Товарищество ТИПОГРАФИИ А. И. МАМОНТОВА.
Арбатская пл., Филипповскій пер., д. № 11.

Сознаніе какъ цѣлое.

I. „Сознаніе“ и методъ точной науки.

То, что называется *сознаніемъ*, одушевленностью или жизнью, знакомо намъ изъ внутренняго опыта и представляется чѣмъ-то наиболѣе извѣстнымъ. Однако, этой извѣстности въ смыслѣ непосредственнаго переживанія того самого, о чемъ идетъ рѣчь, противостоятъ до парадоксальности скудное знаніе и пониманіе его состава, источниковъ и способовъ его существованія. Точныхъ и неизблемыхъ понятій о природѣ сознанія почти нѣтъ или во всякомъ случаѣ несоизмѣримо мало по сравненію съ тѣмъ, что мы знаемъ о природѣ стоящаго передъ нами дерева или лежащаго камня. Правда, психологія обладаетъ довольно обширнымъ матеріаломъ хорошо описанныхъ и даже экспериментально изученныхъ фактовъ, относящихся частію къ составу сознанія, частію къ связи его съ физическимъ организмомъ и явленіями внѣшняго міра. Однако, и это знаніе фактовъ довольно случайно и нецолно, не говоря уже о томъ, что всякое хоть сколько нибудь углубленное уразумѣніе этихъ фактовъ относится всегда къ области той или иной гипотезы философской или психологической. Психологія не обладаетъ даже твердо установленной феноменологической классификаціей состояній сознанія. Во всякомъ случаѣ элементарный составъ сознанія понимается различными психологами далеко не одинаково. Болѣе того, — оказывается, что этотъ наиболѣе знаковый и близкій намъ предметъ даже въ качествѣ непосредственной данности характеризуется нерѣдко прямо противоположными чертами. Достаточно сопоставить другъ съ другомъ волюнтаристическія, сенсуалистическія и рационалистическія истолкованія сознанія или на примѣръ ~~противоположные взгляды~~

и его пространственность, чтобы убѣдиться, что основныя свойства сознанія остаются для непосредственнаго наблюденія неясными и колеблющимися. Причины этой феноменологической недоуясненности состава сознанія различны. На первомъ планѣ, конечно, стоитъ своеобразіе сознанія, какъ опыта внутренняго, по сравненію съ опытомъ внѣшнимъ. Какія бы черты сходства и подобія между ними ни находить, сознаніе во всякомъ случаѣ обладаетъ исключительной, по сравненію съ предметами внѣшняго опыта, измѣнчивостью, неповторимостью своихъ состояній, непрерывностью ихъ переходовъ и постояннымъ сліяніемъ разнороднаго. Это наплываніе и разсѣиваніе состояній сознанія, постоянное смѣшеніе и какъ бы сплавленіе его составныхъ частей придаетъ сознанію характеръ облачности. Уже по одному этому четкая классификація здѣсь также трудна, какъ на облачномъ небѣ.

Кромѣ этой вполне очевидной причины, мы готовы высказать предположеніе еще и о другой, состоящей въ отсутствіи специальныхъ органовъ внутренняго воспріятія. Въ человѣческомъ опытѣ наблюденіе всегда было устремлено, а потому и изоцирено, въ направленіи къ внѣшнему. Мы не хотимъ, конечно, сказать, что столь же упорное и долговременное устремленіе вниманія внутрь сознанія выработало бы въ человѣкѣ что-либо подобное зрительному или слуховому аппарату, приспособленному для зрѣнія или слышанія своихъ собственныхъ переживаній. Способъ внутренняго воспріятія, конечно, долженъ быть столь же своеобразенъ, какъ и самый предметъ этого воспріятія. Однако, вполне естественно предположить, что этотъ способъ можетъ имѣть свою эволюцію. Если такая эволюція способности самонаблюденія теоретически болѣе чѣмъ вѣроятно, то человечество въ цѣломъ стоитъ, конечно, лишь на первой ея ступени. Третья причина есть слѣдствіе первыхъ двухъ. Она заключается въ отсутствіи подходящихъ образовъ, понятій и даже словъ для характеристики и выясненія природы сознанія. Наша наука и вообще весь обиходъ мысли слишкомъ односторонне напшаны матеріаломъ внѣшняго опыта. Вслѣдствіе этого для характеристики внутренняго часто не хватаетъ чисто инструментальныхъ средствъ научной мысли.

Психологическая недоуясненность состава сознанія и его природы въ цѣломъ и въ частяхъ сказывается особенно разпительно по отношенію къ понятію личности. Въ психологій, поскольку она является точной наукой или стремится ею стать,

для понятія личности положительно нѣтъ никакой опоры. Надо сказать болѣе—это понятіе въ существѣ своемъ отрицается наиболѣе обычной психологической точкой зрѣнія на сознание, какъ на совокупность и связь совершенно равноправныхъ другъ другу элементовъ или состояній сознания. То, что въ такъ называемой научной психологій нѣтъ мѣста для понятія личности является фактомъ разительнымъ и роковымъ, если сопоставить съ этимъ то, что понятіе личности является основнымъ во всѣхъ другихъ областяхъ мысли, поскольку она обращается такъ или иначе къ человѣку, какъ живому существу. Не только религія, этика, право, исторія, но и вообще вся та область мысли и знанія, которая иногда объемяется общимъ терминомъ гуманитарныхъ наукъ, превращается въ чистое безсмысліе, если духовность человѣка представлять наподобіе мозаичной картины, въ которой, каждый камешекъ является онтологически вполне равноправнымъ своему сосѣду, внося для построенія цѣлага лишь свое специфическое качество. Правда такой атомизмъ души въ послѣднее время значительно смягченъ, отчасти подъ вліяніемъ Джемса, признаніемъ непрерывности душевныхъ переживаній, какъ-бы ихъ сплавленности въ общемъ „потокѣ“ сознания. Но эта перемѣна, надо сознаться, очень мало существенная и несколько не приближаетъ сознание къ понятію личности. Если пользоваться тѣмъ же сравненіемъ, то она уподобляетъ сознание если не мозаикѣ, то картинѣ писанной красками, въ которой отдѣльные мазки неразличимы, или, если угодно, музыкальной симфоніи. Но какъ и въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло все же съ равноправной множественностью хотя бы и сливающихся отдѣльностей (красочныхъ или звуковыхъ тоновъ), въ которую лишь со стороны зрителя или слушателя вносится нѣкоторое единство смысла, внутренняго же единства самосознанія, чѣмъ характеризуется личность, нѣтъ и слѣда. Этотъ смыслъ, привносимый со стороны идейнаго пониманія, нельзя, конечно, отождествлять со смысломъ ж и з н и, какъ таковой. Во всѣхъ пониманіяхъ душевной жизни, какъ чистой совокупности, этотъ послѣдній смыслъ отсутствуетъ и его, конечно, не возстановитъ никакими постиженіями цѣлага со стороны изслѣдователя. Отсутствие жизни здѣсь получается не только потому, что взгляды на сознание, какъ на равноправную множественность состояній, уничтожаетъ всякую мысль о единствѣ переживающаго, но и потому, что оно уничтожаетъ и всякую мысль о дѣйствіи, такъ какъ понятіе „дѣйствія“ въ конечномъ итогѣ

опирается на самосознание дѣйствующаго субъекта. Такимъ образомъ можно сказать, что въ результатѣ эта „научная“ точка зрѣнія приводитъ къ превращенію жизни въ безжизненное, — психологіи въ ученіе о чемъ-то антипсихическомъ. И это, конечно, не случайность поскольку „точная“ наука не можетъ дѣйствовать иначе какъ точнымъ методомъ, а точный методъ не въ чемъ иномъ и не состоитъ, какъ въ постиженіи цѣлаго изъ его элементарнаго состава. „Сначала элементы потомъ цѣлое“ говоритъ точный научный методъ; „сначала цѣлое, потомъ элементы“ свидѣтельствуетъ о себѣ чистый фактъ жизни въ видѣ сознанія. Удивительно ли, что они другъ друга роковымъ образомъ отрицаютъ.

Подъ „научностью“ разумѣютъ, конечно, разное. Для однихъ это логическая и фактическая общеобязательная доказуемость тѣхъ или иныхъ положеній. Для другихъ это только преимущественное участіе логики и чистаго опыта въ развитіи мысли и притомъ участіе не въ самомъ открытіи истины, а лишь въ ея возможномъ обоснованіи¹⁾. Лишь это второе пониманіе, которое, конечно, никогда не можетъ притязать на общеобязательность всѣхъ выводовъ и предположеній мы признаемъ единственно вѣрнымъ и оправдываемымъ фактическимъ состояніемъ наукъ²⁾.

Однако большинство представителей наукъ именно такимъ пониманіемъ не удовлетворяются, полагая, что всякая научная истина должна обладать достовѣрностью или чистаго факта или логическаго вывода или того и другого вмѣстѣ. Въ этомъ именно и состоитъ претензія науки быть точной. Съ такой претензіей легко было бы примириться, если бы область науки была строго ограничена нѣкоторыми областями естествознанія и математикою, и если бы все жизненное значеніе науки сводилось главнымъ образомъ къ техникѣ.

Однако, и представители психологіи нерѣдко притязаютъ на

1) Собственно „открытіе“ истины очень рѣдко укладывается въ калонъ нибудь научный методъ. „Методъ“ же является на сцену обыкновенно лишь для повѣрки уже предположеннаго, обнаруженія и обоснованія уже открытаго изслѣдователемъ для другихъ. Вообще *ars inveniendi* имѣетъ съ научнымъ методомъ мало общаго.

2) Въ недавно вышедшей брошюрѣ профессора физики О. Д. Хвольсона „Вѣра и знаніе“ можно найти ясное подѣтверженіе того, что даже такая точная наука, какъ физика, въ своемъ основномъ составѣ содержитъ много недоказуемыхъ положеній. Авторъ только неправильно, на нашъ взглядъ, отождествляетъ „недоказуемое“ съ „вѣрой“.

научность въ первомъ смыслѣ слова. И именно въ качествѣ такой „строгой научной“ психологія стремится понять душевную жизнь исключительно со стороны элементарнаго состава и вообще частичныхъ образованій, нисколько не пытаясь образовать понятія о сознаниі, какъ цѣломъ. Но въ такомъ подробномъ разсмотрѣніи сознанія оно предстаетъ лишь какъ рядъ отдѣльныхъ картинокъ съ тѣмъ или инымъ качественно разнороднымъ содержаніемъ кое гдѣ закономерно связаннымъ.

Конечно, въ этомъ содержаніи одно ярче, другое блѣднѣе, одно существеннѣе, другое менѣе, однако все равноправно въ томъ смыслѣ, что ни одному состоянію сознанія не принадлежитъ преимущественное значеніе въ образованіи цѣлаго. Каждое знаетъ только себя и свидѣтельствуеетъ только о себѣ. Имѣется чистая совокупность, но въ сознаніи нѣтъ никого и ничего, кѣмъ или чѣмъ эта совокупность была-бы усмотрѣна. Но научная точка зрѣнія со своимъ точнымъ методомъ требуетъ большаго. Она не можетъ примириться съ тѣмъ, чтобы въ сознаніи было хоть что-либо не вмѣщающееся въ привычныя научныя категоріи и противорѣчащее методу точныхъ наукъ, состоящему прежде всего въ расчлененіи всякаго изучаемаго содержанія въ порядкѣ пространства и времени. Такимъ научно „неудобнымъ“ фактомъ и понятіемъ является не только понятіе души или вообще реального единства сознанія, но даже и того, что обозначается словами „актъ“. „дѣйствіе“ и „сила“. Въ самомъ дѣлѣ какъ научно оперировать съ „дѣйствіемъ“, какъ нѣкоторой реальностью, которая не есть ни то же само, что дѣйствуетъ, ни то, на что дѣйствіе направлено, а какъ бы какое-то „между“, которое опять таки совершенно невысказуемо, какъ что-то отдѣльное. Это туманное „между“. неотрывное ни отъ точки отправленія, ни отъ точки приложенія есть вообще нѣчто нерасчленимое на пространственно-временныя моменты а, в, с..., поскольку каждое а или в или с свидѣтельствуеетъ лишь о себѣ. Въ концѣ-концовъ строго „научно“ приходится признать, что дѣйствіе или актъ есть лишь нѣкоторая мысленная оцѣнка всей совокупности а, в, с со стороны мыслящаго зрителя. Объективно этой оцѣнкѣ соответствуетъ лишь опредѣленная смѣна во времени и пространствѣ нѣкоторыхъ а, в, с... Если понятіе дѣйствія изложить строго научно, то это будетъ понятіе о такой смѣнѣ какихъ-либо элементовъ опыта, которая находится въ зависимости отъ смѣны другихъ элементовъ. Другими словами, понятіе дѣйствія, какъ и причины, сводятся къ понятію зависимости

или функций. Если такое „функциональное“ понимание сознания провести строго последовательно безъ всякихъ сознаваемыхъ или несознаваемыхъ уступокъ ненаучной мысли, то процессы сознания предстанутъ предъ мыслью вполне равноправными какой-нибудь диффузии газовъ или растворовъ или чему-нибудь подобному по правильности и законности, идеаломъ же для психологич., какъ и для всѣхъ точныхъ наукъ явится та же математика. Но тогда намъ нельзя будетъ говорить не только объ активности, но и о жизни. Въ результатъ можно сказать, что если „ненаучная“ психологія мало знаетъ о сущности сознания, то психологія, желающая быть строго научной и освобожденной отъ всякой метафизики, просто перестаетъ понимать, что такое фактъ жизни, доводя истолкованіе этого факта до прямой противоположности.

Выяснивъ этотъ результатъ, мы заранѣе готовы признаться, что въ нашей попыткѣ характеристики сознания, какъ цѣлаго, мы вступаемъ на путь, который очень многими психологами будетъ признанъ „ненаучнымъ“.

II. Трехчленная формула сознания.

Все своеобразие сознания обнаруживается уже въ самомъ строѣ предложеній, выражающихъ любой фактъ сознания, напр.: „я вижу дерево“, „я чувствую боль“ или „я рѣшаю задачу“. Этотъ строй свидѣтельствуетъ о какой-то трехчленности всякаго факта сознания, — трехчленности, которую въ общемъ формѣ можно обозначить какъ 1) субъектъ сознания, 2) его внѣшнее или внутреннее объективированное состояніе и 3) переживаніе этого состоянія. Этимъ именно составомъ сознание специфически отличается отъ всего того, что признается не имѣющимъ сознания, или какъ говорится „мертвымъ“, „неживымъ“. Очевидно, что все это „не живое“ воспринимается и мыслится нами лишь въ качествѣ части того члена, который мы обозначили 2-ымъ. Все признаваемое неодушевленнымъ состоитъ лишь изъ разнаго рода „качествъ“, „пунктовъ“, „силъ“, „энергій“... чего угодно, но только не изъ переживающихъ субъектовъ.

Но можно ли и стоитъ ли вообще полагаться и ссылаться на такое свидѣтельство языка? Здѣсь могутъ представиться два на первый взглядъ весьма серьезныхъ возраженія. Во 1-хъ, самъ языкъ есть несомнѣнный продуктъ мысли и притомъ иногда

ложной. Поэтому его свидѣтельства могутъ быть обманчивы. Во 2-хъ, свидѣтельство языка о фактахъ сознанія могутъ быть разнообразными, при чемъ трехчленная формула сознанія можетъ превращаться въ двухчленную и даже одночленную, напримѣръ „чувствуется боль“ или просто „больно“. Первое соображеніе безусловно наиболѣе серьезно. Однако, мы въ правѣ признать его силу лишь въ той мѣрѣ, въ какой языкъ дѣйствительно является выраженіемъ только мысли. Но вѣдь языкъ же выражаетъ и нѣчто, что дано прежде мысли и даже является базисомъ всякой мысли, т. е. непосредственный опытъ. Но трудно допустить, чтобы личныя глагольныя формы и соответствующія имъ мѣстоимѣнія были чистымъ изобрѣтеніемъ мысли, чтобы они возникли такъ сказать „изъ ничего“ въ смыслѣ непосредственнаго опыта. Въ самомъ дѣлѣ сказать, что мѣстоименіе „я“ и глаголь „вижу“ имѣютъ въ опытѣ тотъ же или совершенно однородный базисъ со словомъ „дерево“,—это и значитъ свести ихъ происхождение въ качествѣ специфическихъ фактовъ сознанія къ нулю. Во всякомъ случаѣ основныя грамматическія формы—а именно объ нихъ и идетъ у насъ рѣчь—могутъ, если не доказать, то хотя бы навести на правильныя предположенія о томъ фактическомъ, что онѣ собою выражаютъ. Обращаясь ко второму возможному возраженію, мы должны сказать, что оно настолько же слабо, насколько кажется разительнымъ. Въ самомъ дѣлѣ вѣдь двухчленные и одночленные формы и вообще всякія филологическія аббревіатуры для выраженія фактовъ сознанія нисколько не противорѣчатъ наиболѣе внятному и вразумительному свидѣтельству языка. Если какой нибудь рассказчикъ при разныхъ условіяхъ передаетъ свой рассказъ то короче, то распространеннѣе, иногда опуская ставшіе уже извѣстными эпизоды, иногда обращая на нихъ особое вниманіе, въ зависимости отъ слушателей и другихъ обстоятельствъ, то противорѣчатъ-ли сокращенныя передачи болѣе полнымъ. Такова же по существу способность языка въ своихъ грамматическихъ формахъ выражать то или иное изъ непосредственнаго опыта различными способами въ зависимости отъ интереса, надобности и вообще психологическихъ особенностей сообщающаго. Но въ такихъ случаяхъ наиболѣе полная форма—есть и наиболѣе истинная и ни одна краткая не можетъ служить къ ея опроверженію. Во всякомъ случаѣ то, что основныя формы рѣчи ясно свидѣтельствуютъ о нѣкоторой принципиальной неоднородности въ составѣ сознанія заслуживаетъ если не полного довѣрія, то по крайней мѣрѣ полного вниманія. Въ дальнѣйшемъ

мы постараемся показать, что это свидѣтельство языка вполне подтверждается и фактами сознанія и тѣми выводами, къ которымъ эти факты обязываютъ.

То, что въ составѣ сознанія имѣются сравнительно стойкія и неизмѣнныя „состоянія“—отстаивать это положеніе при наибольшей психологической ясности именно этихъ состояній-качествъ и при всеобщей склонности свести все сознаніе именно къ нимъ—это значило бы ломиться въ открытыя двери. Можетъ показаться, что таково же положеніе вещей и въ отношеніи субъекта сознанія. Дѣйствительно неразложимое единство сознанія признается въ настоящее время нѣкоторыми психологами даже совершенно далекими отъ всякой метафизики, какъ напримеръ Наторпомъ¹⁾. Однако, смыслъ, который придается этому понятію, обыкновенно весьма неустойчивъ и неопредѣленъ. Иногда дѣло ограничивается только словомъ „единство“, съ которымъ de facto соединяютъ значеніе множественности съ той или иной чисто формальной объединенностью. Въ самомъ дѣлѣ единство и объединеніе бываютъ многоразличны: и куча песку допускаетъ опредѣленіе „одна“, и переплетъ книгъ „объединяетъ“ отдѣльные листы, а смыслъ и художественное значеніе картины какъ бы объединяетъ отдѣльныя мазки. Наконецъ единство имѣется въ понятіяхъ и ихъ сочетаніяхъ, въ сужденіяхъ и доказательствахъ. Но такое ли единство слѣдуетъ мыслить въ живомъ сознаніи? На это можно отвѣтить лишь категорическимъ отрицаніемъ.

Фактъ единства сознанія настолько же поразителенъ и своеобразенъ, насколько мало на него обращаютъ вниманіе въ философіи, психологіи и обыденной жизни. Всѣмъ кажется, что въ окружающей насъ дѣйствительности въ томъ видѣ, какъ она воспринимается во внѣшнемъ воспріятіи, имѣется безчисленное множество всяческихъ единствъ и что единство сознанія есть лишь одно изъ многихъ. Но на самомъ дѣлѣ оно есть unicum среди другихъ. Всѣ разнообразнѣйшія единства видимыхъ нами предметовъ, поскольку мы ихъ только воспринимаемъ средствами

¹⁾ Тѣмъ поразительнѣе, что проф. А. И. Веденскій въ своей „Психологіи безъ всякой метафизики“ вопросъ о единствѣ сознанія обходитъ полнымъ молчаніемъ, какъ будто бы его вовсе и не существуетъ. Если А. И. Веденскій полагаетъ, что понятіе единства сознанія во всякомъ случаѣ относится уже къ метафизикѣ, то это казалось бы слѣдовало хоть какъ нибудь подтвердить и обосновать послѣ того какъ въ современной философской литературѣ обнаружилась вся многозначительность этого вопроса и разнообразіе смысла, связываемаго съ терминомъ „единство сознанія“.

внѣшняго опыта лишь съ большимъ или меньшимъ правомъ мыслятся нами въ качествѣ единствѣ, въ самомъ же переживаніи опыта, какъ внѣшняго, они даются намъ лишь въ видѣ чистой множественности пространственно и временно раздробленнаго матеріала ощущаемаго тамъ-то и тамъ-то, смежнаго, соприкасающагося, отдѣленнаго промежутками. Но быть рядомъ — а вѣдь только такую форму непрерывной связи и даетъ внѣшній опытъ—не значитъ быть единымъ. Члены всякаго рода рядоположенія вѣдь могутъ и не подозрѣвать о существованіи другъ друга. Вѣдь лишь кто-то другой видитъ ихъ въ одномъ рядѣ. Но въ сознаніи не кто-то другой, а оно само есть одно, которое само же переживаетъ и усматриваетъ заключенную въ немъ множественность. И именно въ качествѣ такого единства переживающаго многое оно есть нѣчто абсолютно не встрѣчаемое во внѣшнемъ опытѣ, поскольку этотъ опытъ берется только какъ внѣшній. Этого разительнѣйшаго факта не замѣчаютъ только потому, что самый внѣшній опытъ есть тоже часть сознанія, т.е. въ какомъ то отношеніи и внутренний опытъ. По крайней мѣрѣ онъ постоянно отражаетъ на своемъ содержаніи единство нашего сознанія въ видѣ единства воспріятія, единства мысли, настроенія и т. п. Мы говоримъ одна куча песку, одно дерево и т. п. не замѣчая, что въ кучѣ песку и въ деревѣ, какъ данныхъ извнѣ, „одно“ обнаруживается всегда лишь какъ та или иная пространственная форма, которая, взятая сама въ себѣ, представляетъ чистое множество частей: точекъ, линий, поверхностей. Лишь для воспріятія или мысли эта форма представляетъ нѣкоторое „одно“, поскольку она способна возбудить въ нашемъ одномъ сознаніи одинъ актъ вниманія, направляемый тѣмъ или инымъ однимъ интересомъ эмоциональнаго или интеллектуальнаго свойства. Правда, и во внѣшнемъ опытѣ имѣется переживаніе одного, а именно того или иного одного отдѣльнаго отъ другого одного и внутри себя уже неразложеннаго ни на что множественное. Такимъ воспринимается нами иногда то или иное цвѣтовое качество или звукъ, вообще все то, что мы невольно или по произволу принимаемъ какъ элементарное, неразложенное. Однако, это „одно“ неразложенности или неразложимости имѣетъ то глубокое отличіе отъ единства сознанія, что оно не имѣетъ въ себѣ множественности. И коль скоро мы такъ или иначе замѣтимъ въ такомъ предполагаемомъ одномъ множественное оно тотчасъ же уже перестаетъ быть однимъ. Лишь въ сознаніи „множественность“ и „одно“ не

исключаютъ другъ друга, а сосуществуютъ, являясь какъ бы вложенными одно въ другое. Именно поэтому сознание заслуживаетъ названіе единства, т.-е. чего-то единящаго въ себѣ множественное. Въ отличіе отъ этого кажущіеся и дѣйствительные элементы внѣшняго опыта заслуживаютъ лишь названія единицы. Въ сущности весь корень недоразумѣній и споровъ по вопросу о единствѣ сознанія заключенъ въ вопросѣ о томъ, есть ли это единство только совокупность чего бы то было раздѣльнаго, хотя бы и организованнаго въ видѣ той или иной системы, или это есть реальное одно, т.-е. нѣчто, обладающее абсолютной внутренней сплошностью и нераздѣльностью. Никто не станетъ спорить, что въ сознаніи ясно усматривается совокупность. Но вопросъ въ томъ, нѣтъ ли надъ этой совокупностью еще и реального единства, черезъ посредство котораго раздѣльность является лишь стносительной, имѣя общій центръ непрерывной связи. Въ сущности о наличности такого единства свидѣтельствуетъ любое переживаніе, поскольку оно есть всегда переживаніе какой либо множественности, которая сознается однимъ „я“. Но наиболѣе разительны и неопровержимо свидѣтельствуютъ объ этомъ единствѣ тѣ переживанія, въ которыхъ производится оцѣнка, сопоставленіе или выборъ въ томъ или иномъ множественномъ содержаніи. „Имѣть въ виду“, „оцѣнивать“, „сравнивать“, „выбирать“ можетъ, конечно, лишь что-то одно, въ которомъ соприсутствуетъ то многое, на что направлена оцѣнка или выборъ,—или надо отвергнуть самое существованіе этихъ фактовъ сознанія. Непониманіе того, что всѣ эти процессы нельзя себѣ представить наподобіе равнодѣйствующей многихъ факторовъ—чего-нибудь въ родѣ параллелограмма силъ—зависитъ въ концѣ-концовъ отъ недостаточно яснаго пониманія ихъ фактического состава, т.-е. того, что собственно изъ себя представляетъ сравненіе, сопоставленіе или даже простое „имѣть въ виду“, а гѣмъ болѣе выборъ изъ какой-нибудь множественности. Если бы сознание было только совокупностью, то множественность его содержанія—разнаго рода отталкивающихъ и склоняющихъ мотивовъ въ волевой дѣятельности, представленій и понятій въ интеллектуальной—распредѣлилась бы такъ или иначе между многими частями сознанія. Но какой же изъ этихъ частей можно было бы приписать роль того, кто имѣетъ въ виду все это множественное содержаніе и даетъ перевѣсъ тому или иному? Или ни одной такой части, вмѣщающей въ себѣ это „все“, не существуетъ—но тогда не могли бы существовать и самые факты

сравненія и выбора—или мы должны были бы роль зрителя и судьи, объединяющаго всѣ разнородныя впечатлѣнія и конкурирующіе мотивы, приписать какой-нибудь части индивидуальнаго сознанія. Но тѣмъ самымъ мы приписали бы этой части то именно свойство быть реальнымъ единствомъ, содержащимъ въ себѣ множественность, которое только что отвергалось въ сознаніи, какъ цѣломъ. Но это было бы, конечно, ничѣмъ не оправдываемой непослѣдовательностью. Такимъ образомъ, если не впадать въ противорѣчіе съ повседневными фактами жизни сознанія, то логически неизбежно признавать его реальнымъ единствомъ множественности или, что почти однозначно, включеннымъ въ самъ своимъ составомъ въ такое единство.

Несмотря, однако, на очевидность того, что чистая множественность была-бы не въ состояніи что либо имѣть въ виду, обдумывать и соображать, въ научной психологіи продолжается упорно отстаиваться мнѣніе, что факты сознанія не позволяютъ намъ выходить изъ предѣловъ пониманія сознанія, какъ одной только совокупности. Только это упорство, зависящее отчасти отъ общефилософскихъ тенденцій, заставляетъ насъ еще нѣсколько остановиться на этомъ, казалось бы, давно разъясненномъ вопросѣ и рассмотреть еще нѣкоторыя наиболѣе обычныя мнѣнія.

Почему, спросятъ насъ, многое не можетъ оцѣнивать, выбирать, вообще приводить къ единому результату, разъ это многое организовано въ одну систему, въ которой совокупность тѣхъ или иныхъ актовъ объединяется именно организованностью силъ и соотношеній. Наконецъ, почему собственно сравненіе и оцѣнка предполагаютъ непременно единство, а не множество. Въ качествѣ отрицательной инстанціи противъ нашего утвержденія могутъ быть даже указаны факты на первый взглядъ весьма разительные. Развѣ растеніе, представляющее біологически лишь совокупность клѣточекъ, не избираетъ изъ почвы лишь то, что надо ему, какъ цѣлому, развѣ во всѣхъ его физиологическихъ процессахъ не видно той равнодѣйствующей отъ общаго жизненнаго интереса всѣхъ клѣтокъ, которая даже какъ бы намекаетъ на единую сознательную мысль о цѣломъ. Однако, гдѣ же эта мысль и это единство, какъ біологическая реальность? Реальна здѣсь одна лишь множественность клѣтокъ, а единство заключается лишь въ реальной связи біологическихъ процессовъ. Связи только пространственно-временной, конечно. Почему единство мысли и моральной оцѣнки не можетъ быть такого же про-

исхождения? Еще убѣдительнѣе можетъ показаться фактъ единства дѣйствія человѣческихъ коллективовъ, т. е. обществъ и организацій. Развѣ государственный судъ, выносящій единое рѣшеніе о преступленіи даннаго человѣка есть реальное единство? И однако, онъ, будучи только коллективомъ, какъ-то собираетъ въ единство показанія свидѣтелей, оцѣниваетъ ихъ по достоинству и значенію, создаетъ единую картину происшедшаго преступленія и, наконецъ, выноситъ единый вердиктъ. Не такъ ли и множественность мыслительныхъ и иныхъ душевныхъ процессовъ порождаетъ единство понятій, сужденій, моральныхъ оцѣнокъ и рѣшеній? Къ сожалѣнію для многихъ не только людей неискушенныхъ въ философской мысли, но и специалистовъ, философовъ и психологовъ, такіе или имъ равнозначные аргументы кажутся убѣдительными и имѣющими полную силу. По крайней мѣрѣ соответствующее имъ пониманіе „единства“ сознанія встрѣчается въ психологической литературѣ нанчаще. Какъ на типичный примѣръ можно указать на общій курсъ психологіи Эббингауза, вышедшій 2-ымъ изданіемъ въ 1905 году. Субъектъ сознанія для Эббингауза „есть не что иное, какъ богатая совокупность всѣхъ ощущеній, мыслей, желаній и т. д.“. Называя „я“ „единствомъ сознанія“, Эббингаузъ тотчасъ-же оговаривается, что это „я“ едино лишь, какъ система. Каждую такую систему, по мнѣнію Эббингауза, конечно, должно разсматривать какъ особое существо. „Но оно“—поясняетъ Эббингаузъ,—„существо только въ томъ же смыслѣ, въ которомъ называютъ такъ и растеніе или животное. О какомъ-либо еще особомъ существѣ этого существа, скрытомъ въ его совокупности и отъ него реально различномъ не можетъ быть и рѣчи ¹⁾).

„Душа“ говоритъ нѣсколько далѣе тотъ-же авторъ—„есть здѣсь (т. е. въ его книгѣ) такое-же слово, какъ организмъ или растеніе или такое какъ жизнь, природа и многія другія слова ²⁾).

Но посмотримъ, возможно ли сопоставленіе и уподобленіе гдѣхъ фактовъ сознанія, которые свидѣтельствуютъ о его единствѣ съ жизнью растенія. Растеніе дѣйствительно какъ будто „избираетъ“ то, что ему нужно изъ питательныхъ матеріаловъ и живетъ какъ объединенная система, обнаруживая единство въ

¹⁾ Г. Эббингаузъ: Основы психологіи, томъ I, вып. I, переводъ польск. ред. В. С. Серебренникова и Э. Л. Радлова стр. 14

²⁾ Тамъ-же стр. 16.

согласованіи своихъ біологическихъ функций. Однако, не слѣдуетъ забывать, что это единство, пока мы рассматриваемъ растение только анатомически и физиологически, есть лишь единство нашего пониманія данной біологической системы. Въдѣ фактъ усмотрѣнія и оцѣнки разнообразныхъ возможностей, выбора и дѣйствія въ составѣ растения ни одинъ ботаникъ не наблюдалъ. Фактическое состоитъ здѣсь лишь въ различныхъ „рядомъ“ и „послѣ“ въ порядкѣ пространства и времени. Вообще растение, рассматриваемое эмпирически, есть чистая множественность отдѣльныхъ клѣтокъ лишь пространственно соприкасающихся, и все единство его функций, опять-таки поскольку мы рассматриваемъ его какъ фактъ, есть лишь совокупное дѣйствіе отдѣльныхъ факторовъ. Итакъ, если мы при объясненіи единства сознанія привлекаемъ въ помощь аналогіи съ жизнью растений, вообще организмовъ, то необходимо ни на минуту не забывать, что мы говоримъ здѣсь о фактахъ по существу различныхъ. Въ одномъ случаѣ, т. е. въ сознаніи, наше „я“ дѣйствительно видитъ и оцѣниваетъ многое, въ другомъ-же многое только расположено рядомъ. Но разъ сопоставляемые факты существенно различны, то нельзя удовлетвориться ихъ одинаковымъ объясненіемъ. Жизнь наблюдаемую извнѣ черезъ воспріятіе еще возможно объяснять внѣшними согласованіями функций отдѣльныхъ частей организма, какъ заранѣе согласованной системы. Для біологіи и натурфилософіи остается лишь задача объяснить, какъ могла возникнуть сама согласованная система организма. Какъ бы ни рѣшалась эта проблема біологической эволюціи, необходимо ясно усмотрѣть ея глубокое различіе отъ психологической проблемы единства сознанія. Въ составѣ сознанія есть фактъ не наблюдаемый ни въ одномъ растеніи вообще физическомъ организмѣ—фактъ наличности многого въ одномъ и усмотрѣнія этого многого однимъ. Въ отношеніи этого факта непримѣнимы и по существу невозможны никакія объясненія, варьирующія одну и ту же мысль о совмѣстномъ осуществленіи какой бы то ни было множественностью одного плана. Въ концѣ, концовъ біологическая проблема единства организма, какъ цѣлесообразно построенной системы, и психологическая проблема единства сознанія стоятъ передъ трудностями діаметрально противоположнаго свойства. Въ біологической проблемѣ стоитъ вопросъ о томъ, какъ возможно единство плана организма при видимой множественности факторовъ. Психологу же необходимо задаться вопросомъ, какъ

возможна самая множественность состояній сознания, если-бы только множественность и существовала. Худо ли хорого-ли разрѣшаетъ эволюціонная біологія свою задачу конструирования формальнаго единства организма изъ множественности факторовъ она во всякомъ случаѣ не впадаетъ въ логическое противорѣчіе и вообще не утверждаетъ ничего бессмысленнаго. Между тѣмъ психологъ, утверждающій, что множественность состояній сознания сознается и усматривается только множественностью же („совокупностью“) утверждаетъ нѣчто логически противорѣчащее понятію множественности, какъ сепаратности элементовъ. Необходимо понять, что о множественности не могло бы быть и рѣчи, если бы существовала только эта множественность. Наоборотъ, множественность могла-бы себя сознавать только какъ слѣпое и пустое одно, ибо каждый элементъ имѣлъ-бы въ себѣ только свою элементарную простую природу. Это звучитъ парадоксально, однако неоспоримо то, что именно множественность сознания доказываетъ его единство, и наоборотъ абсолютная единичность только одного была бы мыслима именно въ чистой множественности.

Гораздо проще и легче усмотрѣть то недоразумѣніе, которое скрывается во 2-омъ изъ приведенныхъ нами контр-аргументовъ, а именно фактовъ оцѣнки и рѣшеній коллективовъ. Слѣдуетъ ли удивляться, что человѣческій коллективъ можетъ выполнить то, что можетъ быть выполнено и каждымъ его членомъ въ отдѣльности. Развѣ разумная дѣятельность коллективовъ не основана вполне и единственно только на томъ, что каждый его членъ есть разумное существо. И, конечно, это только метафорическія выраженія, что тотъ или иной коллективъ „думаетъ“, „рѣшаетъ“, „постановляетъ“ и даже „имѣетъ въ виду“. Все это осуществляется, строго говоря, лишь въ сознаніи каждого отдѣльнаго его члена. И коллективъ не даетъ свыше этого ничего кромѣ механической равнодѣйствующей въ видѣ большинства голосовъ. Вообще лишь въ силу простой иллюзіи, зависящей отъ излишняго довѣрія къ словамъ, можно думать, что судъ, парламентъ, вообще любое общество можетъ въ качествѣ сепаратной множественности что либо сопоставлять, оцѣнивать и рѣшать. Это дѣлаютъ лишь члены этой множественности именно какъ носители единства сознания. И если уподоблять единство сознания единству суда, парламента или иной коллективной организаціи, то пришлось бы приравнять каждое отдѣльное со-

стояніе сознани^я разумному существу и приписать состояніямъ сознанія способность такъ же обмѣниваться своими содержаніями, какъ люди обмѣниваются своими мыслями. И не пришлось ли бы намъ тогда придти къ заключенію, что всѣ мыслимыя нами понятія какъ-то имѣютъ свѣдѣнія о содержаніи другъ друга, такъ, что напр. въ сужденіи „вода тушитъ огонь“ понятіе или представленіе воды какъ-либо вѣдаетъ содержаніе представленія огня и обратно. Трудно понять, какъ избѣжать подобныхъ абсурдовъ, если задаться цѣлью во чтобы то ни стало отстоять тезисъ, что сознание есть только совокупность.

Вопросъ о единствѣ сознанія получаетъ все свое значеніе и смыслъ, если мы обратимся къ третьему члену трехчленной формулы сознанія, т. е. къ самому переживанью того или иного состоянія сознанія, которое выражаетъ какъ бы какое-то „отношеніе“ между сознающимъ и познаваемымъ. Прежде всего мы должны отвергнуть тотъ возможный и иногда высказываемый взглядъ, что это отношеніе подобное „отношенію“ чиселъ или „отношенію“ посылокъ въ силлогизмѣ. Какъ бы ни понимать логическія отношенія и вообще все логическое — какъ содержаніе мыслей познающаго субъекта, разсматриваемое со стороны ихъ самой общей формы, или какъ нѣчто транссубъективное и въ какомъ-то смыслѣ реальное или хотя бы только идеальное, — все это плохіе примѣры для уясненія отношеній въ сферѣ сознанія. Въ самомъ дѣлѣ, если понять логическое, какъ содержаніе мыслей познающаго субъекта, то это лишь частный случай въ жизни сознанія и притомъ частный случай весьма своеобразный — опускающій изъ содержанія непосредственнаго опыта самое существенное, а именно его непосредственность въ смыслѣ данности до мысли, т. е. самое бытіе. Мысль по своему содержанію только мыслимость бытія. Въ этомъ „только“ заключается утрата самаго главнаго по крайней мѣрѣ для психологіи, какъ науки все же онтологической. Если же логическое понимать транссубъективно и притомъ реалистически, то необходимо логику обогатить бытіемъ, т. е. скорѣе логическое уяснять черезъ жизнь сознанія, а не обратно. Наконецъ, если логическое отношеніе противопоставляется реальному, какъ идеальное, т. е. какъ нѣчто по существу иное (въвременное, въпространственное и въпричинное), то тѣмъ самымъ оно отторгается отъ сознанія. Производится ли этимъ ущербъ сознанію или предполагаемому царству идеальнаго это другой вопросъ, но ясно, что они во всякомъ случаѣ не могутъ служить для уясненія другъ друга. Вообще сознание со

всѣми его „отношеніями“, если только этотъ терминъ возможно здѣсь сохранить, имѣеть плоть и кровь бытія, т.-е. то, чего не имѣеть отношеніе, обозначаемое символами 3 : 4, правила связи посылокъ въ силлогизмахъ и имъ подобныя отношенія. „Я вижу“ это не значить, что въ оцѣтѣ имѣется только „я“ и что-то „видимое“, которые кто-то ставить въ отношеніе и сравниваетъ, какъ это происходитъ съ 3 : 4, а это значить, что кромѣ „я“ и „видимаго“ и всяческаго ихъ возможнаго сопоставленія въ мысли есть еще нѣчто непосредственно переживаемое однако переживаемое по иному чѣмъ переживается „я“ и „видимое“. Въ чемъ заключается это иное — это вопросъ, быть можетъ, наиболѣе трудный и спорный въ современной психологій, но въ то же время вопросъ, отъ котораго зависитъ все ея содержаніе.

Наиболѣе простое и обычное рѣшеніе этого вопроса сводится къ тому, что сознаніе состоитъ только изъ субъекта и различныхъ его состояній, а именно тѣхъ, которыя распределяются въ обычныя психологическія категоріи ощущенія, чувства и различныхъ формъ мысли. Если мы къ этому присоединимъ проявленіе воли, понимая подъ послѣдними опять-таки „состоянія“ хотя и отличныя отъ другихъ по качеству, но не представляющія ни по отношенію къ субъекту сознанія ни динамически ничего специфическаго, то мы мало чѣмъ измѣнимъ обычное рѣшеніе этого вопроса. Но въ чемъ же заключается это рѣшеніе? Да именно въ томъ, что сознаніе по природѣ своей двучленно т.-е. состоитъ изъ субъекта и различныхъ его состояній („объекта“), которыя смѣняются и комбинируются другъ съ другомъ въ разнообразнѣйшихъ сочетаніяхъ. Что же значить съ этой точки зрѣнія тѣ свидѣтельства непосредственнаго опыта, которыя выражаются словами „я вижу дерево“, „я чувствую боль“, „я рѣшаю задачу“. Вопросъ идетъ, конечно, о психологическомъ пониманіи словъ „вижу“, „чувствую“, „рѣшаю“. Та точка зрѣнія, о которой мы сейчасъ говоримъ, безъ всякихъ колебаній признаеть, конечно, разницу между „видѣніемъ“, „чувствованіемъ“ и „рѣшеніемъ“ и соответствующими имъ объективированными содержаніями дерева, боли и условіями задачи. Конечно, скажутъ намъ, видѣніе и то, что видится, не одно и то же. Но все же между тѣмъ и другимъ, какъ состояніями сознанія, нѣтъ никакой принципиальной разницы. Вся разница состоитъ лишь въ томъ, что, кромѣ четкихъ и стойкихъ въ своемъ содержаніи ощущеній, образующихъ составъ воспріятій, въ сознаніи имѣются разнообразнѣйшія варіаціи

разнаго рода органическихъ ощущеній, соответствующихъ различнымъ физиологическимъ процессамъ, совершающимся въ насъ тѣлѣ. Эти ощущенія и происходящая въ нихъ переменныя сопровождаютъ всякое четкое объективированное состояніе сознанія будь то внѣшнее воспріятіе, чувство или мысль. Видѣть, чувствовать, рѣшать, вообще что либо активно или пассивно сознать, не есть, такимъ образомъ, что-либо по существу отличное отъ видимаго, чувствуемаго и рѣшаемаго. Это лишь различные виды и подвиды этихъ же категорій (главнымъ же образомъ категорій ощущенія) но лишь трудно уловимые въ быстротѣ своихъ смѣнъ и безконечной сложности своихъ сочетаній и слияній. Эта точка зрѣнія на нашъ вопросъ имѣетъ выгоды не только болѣе простоты рѣшенія вопроса объ отношеніи субъекта къ различнымъ сознаваемымъ содержаніямъ, но и болѣе простаго пониманія самихъ этихъ содержаній или „состояній“ сознанія. Въ конечномъ итогѣ и самыя эти „состоянія“ весьма легко сводятся къ одной, двумъ категоріямъ. Въ самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего легче какъ объяснить чувство и волю лишь весьма сложными комбинаціями разнаго рода трудно уловимыхъ внутреннихъ органическихъ ощущеній съ присоединеніемъ тѣхъ или иныхъ мыслительныхъ содержаній. Въ періодъ же наибольшаго распространенія сенсуалистическихъ взглядовъ представлялось довольно легкимъ дѣломъ и самыя мысли сводить на ощущенія. Современная психологія отъ этого весьма далека. Однако сведеніе всего сознанія къ двумъ основнымъ категоріямъ, а именно къ мысли и ощущенію является весьма замѣтной ея тенденціей.

Намъ представляется совершенно безнадежнымъ дѣломъ осматривать эту точку зрѣнія опираясь на чисто феноменологическія описанія и анализъ состава различныхъ состояній сознанія, разсмаиваемыхъ въ отдѣльности. Поскольку объекты психологическаго изслѣдованія смутны, подвижны, подвержены безконечнымъ и весьма сложнымъ слияніямъ, самое тщательное наблюденіе не дастъ никакихъ рѣшающихъ результатовъ. Психологовъ, признающихъ вмѣстѣ съ Джемсомъ чувства за комплексы внутреннихъ органическихъ ощущеній, нельзя убѣдить простыми описаніями и анализами состава чувствъ и эмоцій, что чувство есть явѣно по существу иное чѣмъ ощущеніе. Какъ бы мы ни настаивали на своеобразной тонкости и тѣлесномъ спокойствіи чувства тихой грусти, моральнаго удовлетворенія или какихъ-либо иныхъ чувствъ не сопровождающихся ни „гусиной кожей“,

ни сердцебиениемъ или ускореннымъ дыханиемъ и т. п., всегда можетъ быть высказано соображеніе, что какъ бы физиологически тихо ни протекала грусть или радость, онѣ все же протекаютъ въ условіяхъ того или иного своеобразнаго физиологическаго процесса въ нервной ли ткани, въ сосудистой системѣ или въ чемъ нибудь другомъ. Ощущеніе этого физиологическаго процесса и есть предполагаемое въ качествѣ какой-то специфической психологической категоріи чувство. Совершенно также можно разсуждать и о волѣ и вообще о всякой предполагаемой „активности“ въ сознаніи. Что можно противъ этого возразить? Поскольку мы разсматриваемъ отдѣльныя состоянія сознанія, положительно ничего. Это теорія одна изъ возможныхъ и съ точки зрѣнія феноменологической даже быть можетъ лучшая по упрощенію вопроса о составѣ сознанія. Но все благополучіе этой точки зрѣнія тотчасъ нарушается, лишь только мы вспомнимъ о единствѣ сознанія. Именно съ этой стороны возникаетъ то требованіе, которое обнаруживаетъ несостоятельность наложенной точки зрѣнія и ведетъ къ совершенно иному рѣшенію вопроса. Единство сознанія, разъ оно признано не на словахъ только, а и въ мысли, несомнѣнно обязываетъ къ опредѣленному пониманію душевной жизни, а именно къ пониманію ея процессомъ динамическимъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ собственно заключается роль единства сознанія, какъ объединяющаго центра? Что собственно можетъ значить „объединять“ въ психологическомъ смыслѣ слова. Вѣдь насколько сознаніе непрерывно измѣняется мы уже не можемъ понять это его единство какъ какой-то пассивный пунктъ, стоящій въ центрѣ сознаваемой множественности подобно точкѣ въ центрѣ круга. Недостаточно также соединить эту точку радугами со всѣми остальными точками круга и его периферіи. Такая статическая связь не возможна внутри вѣчно измѣнчиваго сознанія. Но какъ же намъ мыслить „я“, какъ единство сознанія, участвующимъ въ этихъ перемѣнахъ и ихъ объединяющимъ? Никакъ иначе, какъ динамически претворяющимъ себя въ эти перемѣны. Что значить, что „я“ усилями воли приводитъ въ дѣйствіе мускулы тѣла¹⁾, что оно вызываетъ тѣ или иныя мыс-

¹⁾ Вопросъ о дѣйствіи „я“ на мускулы тѣла не имѣетъ для насъ обычной остроты проблемы взаимодействія души и тѣла, поскольку мы категорически отвергаемъ дуалистическій взглядъ на духъ и матерію какъ на двѣ различныя субстанціи и видимъ въ нихъ лишь функціональное различіе. Объ этомъ подробнѣе см. въ нашемъ сочиненіи „Мысль и дѣйствительность“ стр. 280—286.

ли, что оно удерживаетъ однѣ и опускаетъ другія, что оно принимаетъ и не исполняетъ то или иное рѣшеніе? Ничего иного какъ то, что оно удѣляетъ изъ себя что-то тканямъ мышць, что отдѣленіемъ отъ себя какой-то энергій оно переводитъ тѣ или иныя понятія и представленія изъ состоянія потенціальности въ состояніи дѣйственности. Иначе говоря, оно наполняетъ собою, какъ собою самостоятельную силу то, что безъ него было бы инертно и не дѣятельно или дѣйствовало бы лишь въ силу своей отдѣльной природы внѣ всякаго согласованія съ цѣлями цѣлаго. Разъ логически невозможно понять это согласованіе въ качествѣ простой равнодѣйствующей отдѣльныхъ элементарныхъ силъ, разъ процессы оцѣнки, выбора и рѣшенія не мыслимы по типу закона параллелограмма силъ, то внѣ иного способа ихъ мыслить, какъ реальное проникновеніе или претвореніе „я“ въ тотъ результатъ, который имъ и только имъ и можетъ производиться. Ни изъ толчковъ, ни изъ логическихъ связей нельзя построить тѣ факты сознанія, которые свидѣтельствуютъ объ его единствѣ и притомъ единствѣ дѣйствующемъ и постоянно мѣняющемъ соотношеніе силъ. Это единство мыслимо только, какъ претворяющее себя въ иное. Въ этихъ претвореніяхъ и состоятъ душевныя движенія. И въ этомъ именно смыслѣ все сознаніе динамично.

Признать сознаніе въ этомъ смыслѣ динамичнымъ—это и значитъ опредѣлить своеобразіе его природы по отношенію къ предметамъ внѣшняго опыта. Во внѣшнемъ опытѣ мы, строго говоря, не наблюдаемъ никакихъ силъ, никакихъ дѣйствій въ точномъ и первоначальномъ смыслѣ словъ. Мы видимъ какъ одно движущееся тѣло соприкасается съ другими, которое послѣ этого соприкосновенія начинаетъ двигаться въ томъ же направленіи. Что первое тѣло является силой, выведшей изъ покоя второе, что оно, какъ сила, перенесло свое дѣйствіе на второе, все это уже не даннаго опыта, а добавки мысли. Въ самомъ дѣлѣ развѣ внѣшнее соприкосновеніе говоритъ намъ что, либо о силѣ и дѣйствіи, развѣ говоритъ намъ объ этомъ временная послѣдовательность двухъ движеній. Въдѣ этотъ видимый или какъ или иначе констатируемый толчокъ одного тѣла другимъ самъ по себѣ не заключаетъ ничего такого, что давало бы право говорить о переходѣ энергій изъ одного тѣла въ другое, вообще претвореніи одного въ другое. А въдѣ именно въ этомъ претвореніи весь смыслъ понятій „сила“ и „дѣйствіе“. Когда этотъ смыслъ улетучивается, что въ сущности и происхо-

дигъ въ точныхъ наукахъ, эти понятія замѣняются понятіями функціи или закона. Вообще энергія, какъ нѣчто могущее претворяться въ многообразное, во внѣшнемъ опытѣ, конечно, не наблюдаема. Не наблюдаемъ, конечно, и этотъ энергетическій переходъ „отъ“—„къ“. Движеніе, соприкосновеніе въ пространствѣ, послѣдовательность или совпаденіе во времени—вотъ то, что только мы и можемъ наблюдать. Что касается той интимной связи, которая намъ позволяетъ говорить о переходѣ движенія изъ одного въ другое, то это несомнѣнно добавка мысли къ наблюдаемому во внѣшнемъ опытѣ. Откуда же эта добавка? Для нея нѣтъ иного происхожденія, кромѣ какъ опытъ внутренній. Интимность дѣйствія силъ, какъ непрерывнаго претворенія одного бытія въ другое дана только здѣсь съ опытнымъ путемъ и до всякой мысли. И лишь получивъ это опытное данное внутри сознанія, мы произвольно переносимъ его внѣ и населяемъ внѣшній міръ всякаго рода „силами“, „дѣйствіями“ и всѣми тѣми опредѣленіями, которыя заимствуютъ свой смыслъ изъ этихъ первоначальныхъ данныхъ внутренняго опыта. Какъ сознаніе произвольно ассимилируется мыслью внѣшнему опыту, такъ и обратно внѣшній опытъ ассимилируется сознанію. Законна ли эта послѣдняя ассимиляція,—это другой вопросъ, котораго мы здѣсь касаться не будемъ, но нельзя не подчеркнуть того рѣдко отмѣчаемаго обстоятельства, что все пониманіе внѣшняго міра, какъ бытія энергетическаго, вообще обладающаго активностью, основано на этомъ непосредственномъ переживаніи сознанія, какъ дѣйствующаго. Это обстоятельство должно получить всю свою оцѣнку лишь въ томъ случаѣ, если мы обратимъ вниманіе на то, въ какой мѣрѣ всё наши и обиходныя, и научныя представленія и понятія и даже слова основаны на этомъ внутренне осознанномъ моментѣ активности и преисполнены заимствованнымъ отъ него смысломъ. Въдѣ въ сущности безъ этого момента теряется смыслъ всѣхъ формъ глагола, такъ какъ во флексіяхъ глагола именно и выражается тотъ опытъ динамичности, о которомъ мы только что говорили. Представителямъ той строго научной точки зрѣнія, которая признаетъ понятія „силы“, „акта“ и даже „причины“, заключающими въ себѣ остатки мнѳологіи, а именно „одушевленіе“ природы, слѣдовало-бы подумать о томъ, что послѣдовательность заставляла бы провести эту борьбу съ „мнѳологіей“ души до конца, т. е. изгнать изъ языка всѣ глаголы и выразить свои мысли по крайней мѣрѣ въ научномъ изложеніи одними существительными

или еще лучше математическими символами, замѣняя всѣ слова, обозначающіе въ какомъ-нибудь смыслѣ активность, союзамъ „и“, предлогомъ „послѣ“ или какими-нибудь математическими символами.

Только динамичность сознанія дѣлаетъ понятной его функцию объединенія. И обратно лишь черезъ единство сознанія постигается его сущность, какъ динамическаго живого бытія, имѣющаго трехчленный составъ. Въ самомъ дѣлѣ, если въ сознаніи дѣйствуютъ силы, если основной его силой является то „я“, которое динамически объединяетъ всю его множественность, то вполне понятный смыслъ получаетъ тотъ членъ, который въ формулахъ сознанія типа: „я вижу дерево“, „я чувствую боль“ и т. п. выражается словами „вижу“ „чувствую“ вообще глаголами. Въ этихъ словахъ выражается именно дѣйствіе силы по отношенію къ „я“. Остальные же два члена выражаютъ пункты остановки или вѣрнѣе точки отправленія и точки приложенія этихъ силъ. Эти точки приложенія и отправленія: индивидуальное живое „я“ и противостоящій ему внѣшній міръ. Итакъ трехчленная форма сознанія выражаетъ три момента сознанія, которые всегда налицо: 1) „я“, какъ дѣйствующее или испытывающее дѣйствіе 2) то, что противопоставляется „я“, какъ объектъ дѣйствія или источникъ испытыванія и 3) самое дѣйствіе или испытываніе его. Отличіе 2-го момента отъ 3-го заключается именно въ томъ, что въ третьемъ переживается процессъ внутренняго измѣненія бытія, какъ выходящаго изъ „я“ или входящаго въ „я“. Измѣненіями преисполненъ и внѣшній міръ, и вообще все то содержаніе сознанія, которое относится ко второму моменту. Однако это измѣненіе совершенно иного рода. Прежде всего, это то измѣненіе въ пространствѣ и времени, которое просто состоитъ въ смѣнѣ или замѣнѣ однихъ пространственно-временныхъ содержаній другими, т. е. то, что называется внѣшнимъ, физическимъ, движеніемъ. Никакого претворенія бытія во внѣшнемъ движеніи нѣтъ. Далѣе во внѣшнихъ воспріятіяхъ, а равно и въ чисто внутреннихъ переживаніяхъ имѣется еще видъ измѣненія, который, хотя и не относится къ внѣшнему движенію, однако все-же не можетъ быть отнесенъ къ третьему моменту. Мы имѣемъ въ виду простое измѣненіе тѣхъ или иныхъ объектированныхъ качествъ. Если я смотрю на какую-нибудь цвѣтную поверхность, которая постепенно или сразу измѣняетъ свой цвѣтъ, напримѣръ изъ зеленой превращается въ красную, или если даже чисто внутреннее состояніе, наприм. боль, имѣ-

вается качественно и количественно,—то мы не отнесемъ это измѣненіе къ третьему моменту, поскольку здѣсь дѣло идетъ только объ измѣненіи обьективированныхъ качествъ. Если въ выраженіи „я вижу движеніе облаковъ“ то, что обозначается словомъ „вижу“ существенно отличается отъ того, что обозначается словомъ „движеніе“, то въ свою очередь и въ выраженіи „я чувствую утихающую“ или „усиливающуюся боль“, словомъ „чувствую“ выражается не то, что разумѣется подъ „утиханіемъ“ или „усиленіемъ“ боли. Несомнѣнно, что и „чувствую“ есть внутреннее измѣненіе, и „усиленіе“ или „утиханіе“ боли есть тоже внутреннее измѣненіе. Однако „чувствую“ обозначаетъ именно участіе „я“, какъ воспринимающаго. Здѣсь есть динамическое отношеніе между „я“ и той энергіей бытія, которая выражается въ психологическомъ содержаніи боли. Но когда самое это содержаніе боли мѣняется, то здѣсь происходитъ энергетическое измѣненіе между самими содержаніями противопоставленными „я“, какъ его состоянія. Переживаніями въ смыслѣ 1-го момента мы называемъ именно динамическую связь между „я“ и тѣмъ, что ему противостоитъ во внѣшнемъ или внутреннемъ опытѣ. Конечно, мы говоримъ, что и самое это противостоящее переживается. Однако оно само и его переживаніе, т. е. динамическая связь съ нимъ нашего „я“, и есть то существенно различное въ сознаніи, что выражается 2-ымъ и 3-имъ моментомъ трехчленной формулы сознанія.

Устанавливая это тройное расчлененіе мы должны отмѣтить, что хотя оно несомнѣнно выражаетъ коренное различіе въ строѣ сознанія, однако, въ силу динамической слитности всего сознанія, между указанными тремя его основными членами нельзя нигдѣ провести четкихъ граней. Сознаніе слишкомъ проникнуто единствомъ „я“, слишкомъ подвижно и подвержено внутренней рефлексіи, чтобы въ немъ не было внутреннихъ отсвѣтовъ и взаимныхъ отраженій. Оно подобно въ этомъ отношеніи помещенію, въ которомъ всѣ стѣны и предметы имѣютъ зеркальныя поверхности, которыя взаимно отражаютъ другъ друга. Поэтому хотя „я“ есть особый пунктъ сознанія, однако оно же присутствуетъ и во всѣхъ остальныхъ пунктахъ сознанія и часто отождествляетъ себя то съ тою, то съ другою группой. Мы сознаемъ его присутствіе и въ проявленіи воли, и въ кончикѣ мизинца, уколотаго булавкой. Съ другой стороны все въ сознаніи можетъ быть обьективировано и разсматриваемо въ противостоящемъ „я“, какъ наиболѣе внутреннему пункту. Конечно, подлинное „я“, какъ ре-

альное единство сознанія—есть въ сознаніи единственный и ничѣмъ незамѣнимый пунктъ. Но отождествляя себя въ своемъ самочувствіи то съ той, то съ другой группой переживаній—эмо можетъ себя сознать какъ бы во внутреннемъ раздвоеніи и разрывѣ. Такимъ образомъ, „я“, размышляющее можетъ себя противопоставлять „я“, чувствующему боль въ мизинцѣ. „Я“ мужественное можетъ негодовать на „я“ безхарактерное. Не исключены изъ возможности объективированія и динамическія связи между „я“ и различными состояніями. Самое дѣйствіе „рѣшенія“ задачи можетъ стать объектомъ вниманія и изъ переживанія въ специфическомъ смыслѣ 3-го момента превратиться въ объективированное измѣненіе различныхъ состояній на которыя направлено наше вниманіе, являющееся на этотъ разъ переживаніемъ, какъ динамическимъ актомъ. Но всѣ эти послѣдствія вездѣшнія „я“, внутри сознанія и безконечной обратимости его внутреннихъ самооглядываній не исключаютъ и не противорѣчатъ основному и принципиальному противостоянію „я“: какъ глубочайшаго и уже недосыгающаго до себя своимъ внутренними взорами центра, и всего остального содержанія сознанія, которое всегда въ той или иной мѣрѣ объективируется, т. е. ставится внѣ „я“ хотя-бы и внутри сознанія. Въ этомъ остальномъ въ свою очередь необходимо отличать динамическія связи съ „я“ и тѣ содержанія или состоянія, на которыя или отъ которыхъ эти связи направлены. Не слѣдуетъ однако думать, что только эти послѣднія „содержательны“ въ общемъ смыслѣ слова, а динамическія связи пусты и бессодержательны. Всякое бытіе, а потому и все сознаніе содержательно въ общемъ и широкомъ смыслѣ слова. Содержательно, конечно, и не только видимое и чувствуемое, но и самое „вижу“ и „чувствую“. Однако видимое и чувствуемое потому кажется намъ болѣе заслуживающими обозначенія содержаній или состояній, что ихъ содержаніе является болѣе стойкимъ и четкимъ. Между тѣмъ въ динамикѣ соотношеній между „я“ и его состояніями качественныя содержанія претворяющихся другъ въ друга силы проскакиваютъ мимо нашего вниманія, какъ пейзажъ, проносящійся передъ окномъ быстро мчащагося поѣзда. Поэтому то содержаніемъ здѣсь является именно самое движеніе, претвореніе одного въ другое. И мы потому и назвали именно этотъ моментъ „переживаніями“, что жизнь по преимуществу характеризуется этимъ сознаніемъ динамическихъ связей между своимъ „я“ и всѣмъ что оно себѣ противопоставляетъ.

Конечно, сознание объемлетъ все: и живое и не живое. Но не живое оно только касается и ничего не въдаетъ объ интимныхъ звѣзяхъ его силъ. Живо же для него лишь то, что оно воспринимаетъ внутри себя, сознавая претворяемость внутреннихъ силъ. Чтобы понять сознание, какъ духовное, какъ живое, необходимо признать и подчеркнуть этотъ моментъ. Это тѣмъ болѣе необходимо, что научная психологiя до сихъ поръ всегда дѣлала обратное, т. е. подчеркивала моментъ „состоянiя“ и тѣмъ превращала живое въ мертвое.

А. Аскольдовъ.

(Продолженiе статьи).

Сознаніе какъ цѣлое.

Окончаніе ¹⁾).

III. Направленность силъ внутри сознанія и группировка душевныхъ явленій.

Уже самое поверхностное наблюденіе ясно свидѣтельству-
етъ, что динамическая природа сознанія существенно неоднородна. Тѣ состоянія сознанія, которыя обозначаются словами „я чувствую боль или обиду“ и „я рѣшаю и поступаю согласно своему рѣшенію“ являются, очевидно, не равнозначными во внутреннемъ опытѣ по направленности силъ сознанія. Объ этомъ свидѣтельствуется слишкомъ ясно самъ непосредственный опытъ. Боль, которую мы чувствуемъ, конечно, не сознается нами какъ непосредственный результатъ дѣйствія нашего „я“. И если мы умышленно причиняемъ себѣ боль, то мы должны во всякомъ случаѣ такъ или иначе воздѣйствовать сначала на наше тѣло, а затѣмъ уже это послѣднее обусловливаетъ возникновеніе боли, которую уже мы тогда воспринимаемъ *volens, nolens*. Но уже о рѣшенной задачѣ, о выполненной мускульной работѣ сознаніе ясно свидѣтельствуется, что рѣшеніе этой задачи, преодоленіе тяжести даны не извнѣ, а вытекли изъ нѣкоторыхъ дѣйствій нашего „я“, какъ оцѣнивающаго, сопоставляющаго, судящаго или какъ-либо измѣняющаго внѣшнее бытіе. Эта разница вполне понятна. И если бы даже о ней не свидѣтельствовалъ непосредственный внутренний опытъ, ее необходимо было-бы дедуцировать изъ самаго положенія дѣла, а именно изъ самаго противостоянія „я“ и того, что оно себѣ противопоставляетъ. Если „я“ есть центръ дѣйствія силъ, исходящихъ отъ него, то очевидно, что оно же есть и центръ воспримчивости силъ воздѣйствующихъ на него. Отсюда основная двусторонность внутренняго опыта въ отношеніи динамической направленности дѣйствующихъ въ немъ силъ.

¹⁾ См. „Психологическое Обзорѣніе“, I, 2.

Всѣ состоянія сознанія имѣютъ характеръ или воспріимчивости или дѣйствія. Типичными образцами воспріимчивости являются ощущенія и нѣкоторыя чувства, дѣйствія—волевая рѣшенія и ихъ осуществленіе. Было бы, конечно, ошибочно думать, что хоть какія-нибудь изъ тѣхъ состояній сознанія, которыя именуются ощущеніями, чувствами, мыслями и волевыми проявленіями, были бы по своей динамической природѣ или чистыми дѣйствіями: „я“ или чистою воспріимчивостью. Конечно все это сложнѣйшія сочетанія разнаго рода динамическихъ соотношеній того или другого типа,—сочетанія, въ которыхъ преобладаетъ или дѣйствіе или воспріимчивость. Имѣется, конечно, много состояній переходнаго типа, гдѣ центростремительно направленныя силы почти равны центробѣжнымъ. Таковы, на примѣръ, эмоціи страха, радости, любви и другіе. Такого неопредѣленнаго типа и нѣкоторыя воспріятія. „Я вижу дерево“ есть формула сознанія съ одинаковымъ правомъ замѣняемая формулой: „мнѣ видно стоящее дерево“. Какъ страдательная, такъ и дѣйствительная конструкціи здѣсь вполне соотвѣтствуютъ динамической разнокачественности духовныхъ переживаній, входящихъ въ каждое воспріятіе въ качествѣ сопутствующихъ моментовъ, какъ необходимыхъ, такъ и случайныхъ. Вниманіе, сопровождающее каждое воспріятіе, есть уже, несомнѣнно, нѣкоторая активность „я“, равно какъ и дѣятельное присоединеніе сопровождающей каждое воспріятіе апперцепціонной массы. Но объ активности и пассивности воспріятія нельзя говорить вообще. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ они бываютъ то одного, то другого типа. Мы все-таки думаемъ, что въ общемъ и цѣломъ въ воспріятіяхъ динамическій токъ въ направленіи извнѣ къ „я“ преобладаетъ и что дѣйствительные залого глаголовъ „вижу“, „слышу“, „обоняю“ являются результатомъ филологической акцентуаціи объединяющей роли „я“, въ воспріятіяхъ, которыя, конечно, при всемъ преобладаніи идущаго извнѣ и пассивно воспринимаемаго матеріала получаютъ разумный смыслъ лишь въ единствѣ „я“. Это именно и подчеркиваетъ языкъ, какъ психологическій свидѣтель.

Вообще по одновременности потоковъ движенія, направленныхъ внутрь сознанія и какъ бы впадающихъ въ „я“, съ потоками, берущими начало изъ „я“ и идущими во внѣ, и по сложности получающихся при этомъ динамическихъ отношеній сознаніе не имѣетъ въ опытѣ ничего себѣ подобнаго. Эта сложность дѣлаетъ психологическую классификацію дѣломъ до чрезвычайности затруднительнымъ. Въ общепринятыхъ классифика-

ціяхъ эта трудность осложняется еще и тѣмъ, что въ основу классификаціи кладется односторонній принципъ „состоянія сознания“, соотвѣтствующій лишь одной составной части трехчленной формулы сознания. Если сознание, разсматриваемое, какъ состоящее изъ отдѣльныхъ „состояній“, „явленій“, — вообще какихъ-то отдѣльныхъ „содержаній“, теряетъ свой основной смыслъ живого единства, то вполне естественно ожидать, что и классификація „состояній“ сознания не дастъ намъ никакого яснаго представленія о томъ, что фактически объемлетъ живымъ единствомъ сознания. Въ самомъ дѣлѣ, какъ подвести подъ категорию „состояній“ акты и вообще динамическіе процессы или душевныя движенія, которыя именно тѣмъ и характерны, что опредѣленныя содержанія или качества въ нихъ находятся въ быстрой смѣнѣ. Но если бы даже они и были зафиксированы, то большинство изъ нихъ представили бы весьма смутную картину чрезвычайно сложныхъ и неразличимыхъ въ своемъ элементарномъ составѣ разнообразныхъ качествъ, соотвѣтствующихъ разнообразнымъ физиологическимъ процессамъ тѣла. Легко классифицировать ощущенія, т.-е. ту периферическую область сознания, гдѣ оно почти неотдѣлимо отъ внѣшняго міра. Здѣсь мы именно имѣемъ передъ собою четкость и стойкость внѣшняго. Но уже чувства или эмоціи составляютъ непреодолимый камень преткновенія для всякой классификаціи. Что касается воли, то для нѣкоторыхъ психологовъ это просто терминъ, истинный смыслъ котораго сводится къ тѣмъ же ощущеніямъ и сочетаніямъ ихъ съ представленіями и мыслями. Вообще если разсматривать сознание, какъ сложное сочетаніе качествъ, и если къ этому прибавить непрерывность ихъ переходовъ и постоянную смѣну, мы не найдемъ во всемъ этомъ никакого надежнаго критерія для какихъ-либо обоснованныхъ группировокъ. Все предстанетъ передъ нами въ видѣ равноправныхъ состояній, различающихся лишь качествомъ и болѣею или мѣншею связью съ внѣшнимъ объективнымъ міромъ. Тогда возможный критерій для классификаціи будетъ для психологіи по существу внѣшнимъ, а именно лежащимъ въ области физики и физиологіи; и только единство сознания можетъ дать внутренній, т.-е. психологическій критерій классификаціи, опредѣляя собою, какъ центроть, и мѣсто переживаній въ душѣ, и ихъ сходство и различіе по отношенію къ единству сознания. Здѣсь надо имѣть въ виду различіе этого отношенія какъ въ динамическомъ, такъ и въ статическомъ смыслѣ.

Если мы обратимся къ первому, то всякое переживаніе окажется по своей динамичности имѣющимъ направленіе центроостремительное или центробѣжное, принимая единство сознанія за центръ. Активность или рецептивность это неизбѣжный динамическій знакъ (+ —) каждаго переживанія, къ какой бы категоріи оно ни принадлежало по своему статическому положенію. Однако, очевидно, что этого признака недостаточно для группировокъ переживаній. Несомнѣнно, что ощущенія высшихъ органовъ чувствъ и нѣкоторыя эмоціи оказались бы сходными въ своемъ динамическомъ знакѣ и, однако, психологически все-же глубоко различными, поскольку эмоція всецѣло характеризуетъ сознающаго, ощущеніе же сознаваемое. То же пришлось бы сказать и о переживаніяхъ съ положительнымъ динамическимъ знакомъ. Активность въ избраніи жизненнаго пути и активность поднятія пудовой гири глубоко различны по своему психологическому значенію.

Итакъ, едва-ли не важнѣйшимъ критеріемъ является критерій психологической ситуаціи въ отношеніи „я“, какъ центрального единства. Это положеніе опредѣляется близостью каждаго переживанія къ центру или периферіи. Конечно, это не близость пространственная и во всякомъ случаѣ о пространственномъ опредѣленіи ея не можетъ быть и рѣчи. Мы не хотимъ здѣсь утверждать, что переживанія, какъ таковыя, совершенно чужды пространственности. Напротивъ, мы полагаемъ, что все въ сознаніи въ той или иной мѣрѣ причастно протяженію, т.-е., что движенія души совершаются не только во времени, но и въ пространствѣ, понимая, однако, послѣднее не такъ внѣшне, какъ понимаютъ его физика и геометрія ¹⁾. Но во всякомъ случаѣ эта внутренняя топографія души не имѣетъ ничего общаго по способу своего опредѣленія съ топографіей физическихъ предметовъ. Мѣсто переживанія въ душѣ опредѣляется всецѣло степенью отождествленія нашего „я“ съ даннымъ переживаніемъ. Сознаніе само чрезвычайно отчетливо свидѣтельствуетъ, что стоящая передъ нами чернильница ни въ коемъ случаѣ не есть „я“, ни часть его, хотя оно же самымъ фактомъ воспріятія чернильницы свидѣтельствуетъ о томъ, что чернильница въ какомъ-то смыслѣ находится въ нашемъ сознаніи и какъ-то принадлежитъ и ему. Но что мое „я“ неразличимо сливается и ото-

¹⁾ Наша точка зрѣнія на объективную природу пространства болѣе подробно развита въ соч. „Мысль и дѣйствительность“. См. гл. XI.

ждествляется съ нѣкоторыми чувствами и рѣшеніями воли,—на это тоже имѣются краснорѣчивыя заявленія внутренняго опыта. Такимъ образомъ, довольно явственно обозначаются положенія периферическаго и центральнаго слоя сознанія. Но имѣются ли какія-либо средства различить промежуточныя положенія и установить между ними тѣ или иныя разстоянія? Здѣсь непосредственное свидѣтельство сознанія не всегда можетъ давать четкіе отвѣты. Особенно своеобразны въ этомъ отношеніи понятія, сужденія и представленія, вообще всякія мысленныя содержанія. Совершенно ясно, что, напримѣръ, мои философскія и нравственныя убѣжденія это нѣчто гораздо болѣе близкое моему „я“, чѣмъ стоящая на столѣ чернильница. Но что глубже, эмоціи или мысли — это уже вопросъ гораздо болѣе трудный. Страхъ передъ опасностью и мысли, развивающіяся въ связи съ этимъ страхомъ, предположенія о возможности ея избѣжать и т. п. это повидимому переживанія промежуточнаго свойства и казалось-бы равно близкія нашему „я“. И, однако, есть полная возможность убѣдиться, что мысли сами по себѣ отстоятъ отъ нашего „я“ гораздо дальше переживаемаго страха. Эта возможность дается случаями изолированнаго переживанія мыслей и представленій отъ какихъ бы то ни было эмоцій. Одна возможность холоднаго спокойствія при обсужденіи мыслей и представленій ясно показываетъ, что это лишь нѣчто предстоящее нашему „я“. Правда, содержаніе мыслей предстоитъ совершенно иначе по сравненію съ предстояніемъ воспринимаемаго пейзажа. Мысли и представленія образуютъ какъ бы особую проэкторную зону внутри сознанія, а не на периферіи его, какъ воспріятія. Это какъ бы планы и чертежи, развѣшиваемые нашимъ „я“ внутри своего душевнаго помѣщенія. Эти планы и чертежи суть сокращенныя схемы отчасти внѣшняго, отчасти внутренняго же опыта; иногда они обозначаютъ существующее, иногда и нѣчто несуществующее и даже не могущее быть реализованнымъ. Они ближе единству сознанія чѣмъ внѣшнія воспріятія именно потому, что они, если не въ структурѣ, то въ своей динамической природѣ представляютъ исключительно продуктъ его актовъ. Наше „я“ распоряжается ихъ появленіемъ и исчезновеніемъ на своемъ внутреннемъ экранѣ въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ по отношенію къ внѣшнимъ воспріятіямъ. И, однако, они все-же не непосредственно близки къ самому „я“. Это ясно именно изъ того, что наше „я“ можетъ ихъ какъ-бы созерцать, что совершенно невозможно по отношенію, напр., къ сильнымъ эмоціямъ. Эмоція или актъ во-

левого избранія въ рѣшительный моментъ жизни это нѣчто по существу не созерцаемое. Когда мы ихъ ретроспективно возобновляемъ въ памяти и какъ бы созерцаемъ, то это значитъ, что они уже превратились въ представленія и перестали быть эмоціями и актами воли. При переживаніи же они сливаются съ самимъ „я“ въ одно порывистое бытіе. Наше „я“ само превращается въ страхъ въ минуты величайшихъ опасностей или, если угодно, страхъ и есть наше содрогающееся за свое бытіе „я“. Совершенно также импульсъ задержанной и вырвавшейся воли и есть само наше „я“, прорвавшее оковы своихъ собственныхъ сомнѣній и изливающееся во внѣшнее *fiat*. Конечно, когда въ такой потокъ центробѣжнаго и центростремительнаго свойства вовлекаются наши мысли и представленія, то динамическая непрерывность сливается ихъ и съ нашимъ „я“ и со всѣми эмоціями въ неразрывное единство. Въ порывахъ динамической напряженности все сплывается въ одно цѣлое и даже внѣшніе предметы какъ бы смыкаются съ нашимъ „я“ въ одно бытіе, восторгающее, когда это внѣшнее нами любимо, и мучительное, когда оно ненавидимо, напр., въ чисто физической борьбѣ съ врагомъ. Поэтому-то, чтобы опредѣлять ситуацію переживаемаго въ душѣ, надо брать моменты наименьшей динамической напряженности, когда всѣ динамическіе процессы ослаблены и все въ душѣ четко разобцается по своему положенію. Тогда-то и выявляется сравнительно отчетливо статика душевныхъ соотношеній. И если принять въ расчетъ именно такіе моменты, то становится ясно, что ближайшимъ къ „я“ является то, что именуется „чувствами и рѣшеніями“. Въ грусти, какъ спокойномъ чувствѣ, грустно именно само „я“, а не что-то, на что оно созерцающе устремлено, какъ это бываетъ съ грустными мыслями. Но и „грустныя“ мысли это на самомъ дѣлѣ только внутренній рефлексъ грусти „я“ на мысли, которыя сами по себѣ ни грустны, ни веселы. Но именно „я“ бываетъ грустно или весело, равно какъ оно именно есть всегда рѣшающее и избирающее, а не тѣ или иныя мысли. Но такъ какъ грустящее сейчасъ „я“ черезъ часъ можетъ быть веселымъ, то очевидно, что и грусть, и веселость не есть самое „я“, а лишь то близъ лежащее въ душѣ, что наиболѣе непрерывно и непосредственно соединяется съ „я“. Все сказанное позволяетъ намъ намѣтить въ сознаніи четыре ясно различаемыя (по ситуаціи) области: 1) самое „я“ или объединяющій центръ сознанія, 2) чувства и проявленія воли: 3) познавательныя содержанія мыслей, 4) ощущенія и вообще содержанія внѣшнихъ вос-

пріятій. Если мы примемъ во вниманіе, что послѣднія три группы могутъ имѣть еще и разные динамическіе знаки (см. стр. 424), то уже у насъ явится естественное семигрупповое подраздѣленіе сознанія. Возникаетъ лишь вопросъ, возможно-ли дѣйствительно установить такіе знаки у каждой изъ трехъ группъ. Что касается 2-й группы, то здѣсь вопросъ рѣшается сравнительно безспорно. Чувства, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя, явственнo отличаются отъ волевыхъ проявленій своимъ рецептивнымъ характеромъ. Они слишкомъ явственнo входятъ въ „я“, между тѣмъ какъ актъ воли исходитъ изъ „я“ и обращенъ своей активностью во внѣ. Но уже гораздо труднѣе опредѣлнть динамическіе знаки въ 3-й и 4-й группахъ. Всѣ воспріятія кажутся намъ рецептивными, а познавательныя содержанія динамически нейтральными. Однако, ближайшее разсмотрѣніе этихъ группъ легко обнаруживаетъ, что это не совсѣмъ или вѣрнѣе не всегда такъ. Ощущенія предстанутъ передъ нами исключительно рецептивными, если мы ограничимъ ихъ областью ощущеній внѣшнихъ органовъ чувствъ. Но вовсе не таковы всѣ такъ называемыя внутреннія органическія ощущенія, т.-е. тѣ, въ которыхъ мы ощущаемъ не внѣшній міръ, а наше тѣло. Нельзя, конечно, не отмѣтить, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ областью переживаній слишкомъ смутныхъ и недифференцированныхъ, чтобы установить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, о какомъ именно переживаніи идетъ рѣчь. Однако даже массовыя недифференцированныя группы такихъ переживаній обнаруживаютъ нерѣдко явственную разницу идущей изнутри или воспринимаемой извнѣ активности. Душевное напряженіе, сопутствующее всякой интенсивной работѣ, въ которую вовлечено и наше тѣло, вовсе не исчерпывается пассивнымъ испытываніемъ тѣхъ сопротивленій, которыя мы встрѣчаемъ въ нашемъ тѣлѣ и внѣ его. Въ немъ есть явственное ощущеніе преодоленія, освобожденія и въ концѣ-концовъ именно своей активности. И это не только активность желаній и намѣреній, т.-е. душевно-центральная работа, а именно соматическн ощущаемая активность. Нѣчто изъ этой активности обозначается подъ именемъ „мышечныхъ“ и „кинестетическихъ“ ощущеній. Правда нѣкоторые психологи и главнымъ образомъ Вундтъ сводятъ ихъ къ пассивнымъ ощущеніямъ давленія, т.-е. въ концѣ-концовъ къ внутреннему осязанію. Что внутреннія осязательныя ощущенія входятъ въ нихъ весьма существенною составною частью,—этого послѣ опытовъ Гольдшейдера отрицать нельзя. Но вполне позволительно сомнѣваться въ томъ, чтобы этими осязательными ощущеніями

все исчерпывалось. И этому сомнѣнію не могутъ помочь никакіе опыты и эксперименты, поскольку констатированіе въ само-наблюденіи того или иного оттѣнка ощущенія его появленія или исчезновенія въ психологическихъ опытахъ и экспериментахъ есть всегда нѣчто ненадежное по смутности и неуловимости этихъ ощущеній и данности ихъ не иначе, какъ въ сложныхъ и слитныхъ комплексахъ. Вопросъ о природѣ кинѣстетическихъ ощущеній вообще представляется въ психологіи однимъ изъ самыхъ сомнительныхъ и недоступныхъ безспорному разрѣшенію. На нашъ взглядъ нельзя даже съ полною убѣдительностью отвергнуть существованіе иннервационныхъ ощущеній, необходимость признанія которыхъ отстаиваетъ Бэйнъ, а тѣмъ болѣе ощущеній мышечныхъ. Показанія лицъ, имѣющихъ тѣ или иные параличи и тѣмъ не менѣе сознающихъ кинѣстетическія ощущенія мало надежны, именно въ силу сложной природы этихъ ощущеній. Несомнѣнно, что всякое активное движеніе сопровождается и многообразными пассивными ощущеніями. Это происходитъ въ силу одного уже закона противодѣйствія силъ. Расчленивъ все это въ своемъ сознаніи и точно уловить отсутствіе того или иного оттѣнка въ сложномъ комплексѣ ощущеній задача едва ли осуществимая и для психолога, а не только для тѣхъ больныхъ, которые, обыкновенно, въ такихъ случаяхъ подвергаются тому или иному эксперименту. Гораздо явственнѣе динамическій знакъ переживаній въ процессахъ познавательныхъ. Существуетъ ясное различіе между воспріятіемъ умомъ раскрытыхъ и развитыхъ уже истинъ, т.-е. такъ называемымъ пониманіемъ, и собственнымъ творческимъ открытіемъ и развитіемъ истины. Слѣдить за рѣшеніемъ математической задачи, когда ее рѣшаютъ другіе, т.-е. только понимать ходъ мыслей въ творествѣ чужого ума есть нѣчто совершенно иное, чѣмъ рѣшеніе самостоятельное. Конечно, въ своемъ идеологическомъ содержаніи рѣшеніе задачи и въ томъ и въ другомъ случаѣ исполнѣ тождественно. Но это содержаніе только и соответствуетъ статическому моменту переживанія. Мы же именно и утверждаемъ, что этотъ статическій моментъ осложненъ динамической природой переживанія, которая можетъ быть двухъ знаковъ. Гораздо разительнѣе эта разница знаковъ въ процессахъ не чисто интеллектуальнаго порядка, а въ творествѣ и воспріятіи эстетическихъ образованій. Процессы созиданія художественныхъ произведеній и процессы ихъ воспріятія съ ясностью обнаруживаютъ, что динамическій знакъ, присоединяемый къ одному и тому же, съ точки зрѣнія чистой статики,

психическому содержанію, дѣлаетъ его глубоко различнымъ, какъ переживаніе.

Съ точки зрѣнія изложенной нами группировки мы можемъ схематически изобразить сознаніе въ видѣ трехслойнаго шара, въ которомъ происходятъ внутреннія энергетическія передвиженія отъ периферіи къ центру и обратно. Наружному слою соотвѣтствуютъ ощущенія, слѣдующему за нимъ — содержанія специфически познавательныя и ближайшему къ центру, — то, что обыкновенно обозначается, какъ чувство и воля. При этомъ каждый видъ переживанія, находящійся въ томъ или иномъ слоѣ, характеризуется не только своимъ мѣстонахожденіемъ но и направленіемъ присущаго ему движенія. Такимъ образомъ чувство и воля только и отличаются своимъ направленіемъ: первое центростремительнымъ, второе центробѣжнымъ. Послѣдніе два термина требуютъ однако въ связи съ нашею группировкою весьма существенныхъ разъясненій. Психологическія категоріи чувства и воли являются наиболѣе спорными и неопредѣленными. Да съ точки зрѣнія психологіи отдѣльныхъ состояній сознанія они и не могутъ быть иными. Въ самомъ дѣлѣ, упустивъ изъ вниманія динамическую цѣлостность сознанія, мы теряемъ ту единственную основу, на почвѣ которой только и могутъ быть поняты существеннѣйшія особенности этихъ категорій. Уже въ отношеніи чувствъ сразу бросается въ глаза, что мы имѣемъ дѣло съ чѣмъ-то весьма сложнымъ и неоднороднымъ, дающимъ поводъ называть данную группу то чувствами, то эмоціями. Въ послѣднее время психологи предпочитаютъ терминъ „эмоція“, рѣдко задаваясь вопросомъ, покрываются-ли этимъ понятіемъ тѣ переживанія, которыя именовались прежде чувствами, и если покрываются, то не съ ущербомъ ли для ихъ описанія и группировки. Мы лично думаемъ, что эмоція и чувство далеко не одно и то же. Въ сущности то, что называется эмоціей, это цѣлый комплексъ центробѣжныхъ и центростремительныхъ токовъ внѣри сознанія. Возьмемъ для примѣра самые характерные изъ нихъ, какъ страхъ и наиболѣе обыденное проявленіе любви, на примѣръ материнской. Въ страхѣ есть несомнѣнно нѣсколько моментовъ испытыванія Усмотрѣнный страшный предметъ или предполагаемая опасность заставляютъ содрогнуться все существо. Если это страхъ не чисто животный и безсмысленный, то опасность мысленно быстро взвѣшивается. Эта не терпящая отлагательствъ быстрота душевныхъ переживаній уже сама по себѣ есть нѣчто характерное для страха; душа мечется въ своихъ внутреннихъ движеніяхъ и потому исполняетъ

ихъ плохо и некоординированно. Это и есть состояніе внутренней растерянности. Но если эта растерянность не абсолютно парализуетъ волю, стремленіе спастись даетъ импульсъ къ разнаго рода тѣлеснымъ дѣйствіямъ: къ бѣгу, оборонѣ и т. п. Все тѣло напрягается и получается множество внутреннихъ органическихъ ощущеній, изъ которыхъ нѣкогда Джемсъ сложилъ всю эмоцію страха. На самомъ-же дѣлѣ все это болѣе или менѣе побочный аккомпанементъ къ центральной части данной эмоціи, которая ощущается не въ той или иной части тѣла, а въ глубинѣ сознанія, въ самомъ „я“, содрогнувшемся за свое бытіе, почувствовавшемъ близость полной гибели или бѣдствія. Легко видѣть, что взрывъ любви матери къ ребенку такъ же, если не болѣе, сложенъ. Если въ страхѣ испытываніе всегда преобладаетъ надъ дѣйствіемъ, то въ любви они иногда уравниваются, иногда-же преобладаніе относится то къ пассивнымъ воспріятіямъ (любимаго), то къ активнымъ дѣйствіямъ въ отношеніи его. Несомнѣнно, что психологія, понимая, какъ одно переживаніе, столь сложный комплексъ душевныхъ движеній игнорируетъ имѣющееся здѣсь существенное различіе, какъ по направленію, такъ и по положенію этихъ движеній и удовлетворяется лишь общимъ признакомъ переживаній, какъ наиболѣе явственныхъ движеній (эмоцій). Но вѣдь и волевой актъ есть въ этомъ смыслѣ „движеніе“. И разныя стадіи волевого движенія несомнѣнно фактически и входятъ въ то, что обозначается словомъ „эмоція“. Не очевидно-ли, что здѣсь смѣшиваются и понимаются въ качествѣ одной психологической категоріи то, что относится на самомъ дѣлѣ къ тремъ категоріямъ: ощущенію, чувству и волѣ. И дѣйствительно то, что обозначается словами „страхъ“, „любовь“, „ненависть“ есть переживаніе не только не элементарное, но относящееся обыкновенно ко всѣмъ слоямъ сознанія и включающее въ себя движенія различныхъ знаковъ. Мы считаемъ совершенно ошибочнымъ предположеніе, что психологическій анализъ безсиленъ сдѣлать здѣсь какія либо обоснованныя во внутреннемъ самонаблюденіи различія. И въ этомъ отношеніи старое и какъ-бы потерявшее характеръ научности обозначеніе „чувство“ представляется намъ вполнѣ отвѣчающимъ даннымъ психологическаго анализа, а потому и болѣе научнымъ, чѣмъ мутное обозначеніе „эмоція“. Чувство есть переживаніе вполнѣ подобное ощущенію по чистому динамическому знаку пассивности и лишь находящееся не во вѣншемъ, а во внутреннемъ слоѣ сознанія. Въ ощущеніи наше „я“ ощущаетъ „что-то“ вѣншее или внутреннее, въ чувствахъ же наше

„я“ чувствуетъ самого себя. Ощущеніе всегда характеризуетъ хотя-бы и смутно, какой-нибудь объектъ, чувство-же только субъектъ. Чувство есть внутренняя оцѣнка чего-то достигшаго до глубины сознанія, но оцѣнка именно не объективная, а субъективная, т.-е. выражающая не то, каковъ объектъ въ себѣ, а то, каковъ субъектъ въ отношеніи даннаго объекта. Чувство, понимаемое въ этомъ смыслѣ, есть воспріятіе единствомъ сознанія нѣкоторыхъ отзвуковъ бытія въ наиболѣе глубокой области сознанія. Однако для опредѣленія природы чувствъ чрезвычайно важно установить, какихъ именно отзвуковъ и какого именно бытія. Вѣдь зрительное или слуховое впечатлѣніе есть тоже отзвукъ внѣшняго внутри. Однако они имѣютъ сходство съ чувствами только въ пассивности, т.-е. динамическомъ знакѣ. Глубинность и въ тоже время субъективность чувствъ опредѣляется именно тѣмъ, что они возникаютъ не непосредственно изъ соприкосновенія съ внѣшнимъ, а при посредствѣ дѣятельности мысли. Всякое внѣшнее воспріятіе извнѣ, дѣлаясь объектомъ мысли создаетъ опредѣленную, и обыкновенно совершенно индивидуальную, систему мыслей и представленій по вопросу о томъ, что значитъ это воспріятіе лично для меня или для того, что такъ или иначе связано съ моими интересами, моими убѣжденіями, цѣлями, вообще съ моимъ положеніемъ въ мірѣ. Такое осложненіе динамическаго тока извнѣ внутри путемъ уясненія его разумнаго значенія обусловливаетъ то, что единство сознанія встрѣчаетъ въ немъ не непосредственное внѣшнее, но внѣшнее уже сопровождаемое многообразными голосами внутренняго бытія. И именно эти голоса являются непосредственными возбудителями чувства. Не слово „умеръ“, прочитанное въ телеграммѣ, чувствуется какъ горестное, не зрительный образъ близкаго человѣка вызываетъ радость, а все внутри поднявшееся по поводу этого слова и образа, что болѣе непосредственно близко соприкасается съ единствомъ сознанія. Въ этомъ смыслѣ чувство есть воспріятіе единствомъ сознанія своей собственной души, т.-е. тѣхъ измѣненій въ ея строѣ, которыя произошли отъ какихъ бы то ни было внѣшнихъ или внутреннихъ причинъ. Дѣйствительно тѣ-же причины могутъ быть и чисто внутренними. Напримѣръ раскаяніе есть чувство, возникающее не только отъ извнѣ полученнаго укора, но иногда только отъ нравственнаго созрѣванія души, по иному начинающей оцѣнивать свое прошлое. И именно на такихъ случаяхъ обнаруживается односторонность и ошибочность теоріи эмоцій Джемса, отождествив-

шаго чувства съ эмоціями, а эмоціи съ органическимъ ощущеніемъ. Какъ преимущественно глубинное переживаніе, чувства являются наиболѣ тихими и спокойными состояніями сознанія. „Я это чувствую такъ“—это выраженіе почти равнозначно: „я это такъ оцѣниваю“, если только понятіе „оцѣнка“ освободить отъ интеллектуалистическаго пониманія. Въ концѣ концовъ чувство главнымъ образомъ говоритъ, что мнѣ что-либо нравится или не нравится. Правда эта оцѣнка сопровождается еще различною качественностью нашего внутренняго отзвука. Чувства подобны вкусу. Только это густаціи не виѣшняго и не тѣлеснаго, а внутреннихъ вибрацій и колебаній уже вплотную подходящихъ къ единству сознанія. Всякаго рода бури въ душѣ всегда ближе къ поверхности и непремѣнно задѣваютъ зону воспріятія своего тѣла, т. е. органическихъ ощущеній. Смѣшеніе чувствъ съ этими бурями (эмоціями) основано частью на трудностяхъ психологическаго анализа, частью на бѣдности глубинныхъ переживаній большинства людей. И въ этомъ отношеніи область художественной литературы можетъ служить иногда коррективомъ и дополненіемъ бѣдности психологическаго опыта, имѣющагося въ непосредственномъ распоряженіи у психологовъ. Конечно, вопросы о томъ, что именно и какъ переживается въ томъ или иномъ чувствѣ, никогда не могутъ быть аподиктически рѣшены, поскольку всякое описаніе путемъ словъ лишь намекаетъ на психологическую реальность и никогда ее не можетъ изобразить. Но и въ описаніяхъ художниковъ, лирикѣ поэтовъ есть все-таки своя аргументація. Такъ напримѣръ для всякаго не предубѣжденнаго психолога казалось-бы должно быть ясно, что лирика большинства стихотвореній Гейне или романтическія элегіи Жуковскаго или стихи Новалиса въ томъ, что остается въ нихъ за вычетомъ интеллектуальныхъ содержаній, не можетъ быть сведена ни къ стѣсненіямъ въ груди, ни къ „гусиной кожѣ“, ни къ какимъ вообще органическимъ ощущеніямъ.

Находя обычныя психологическія классификаціи совершенно не соответствующими природѣ сознанія, какъ „предмету“ извѣстной глубины и динамическаго строя переживаній, мы не предлагаемъ замѣнить эти классификаціи какой либо другой. Вообще классификація переживаній есть нѣчто едва-ли осуществимое и къ тому-же по существу и ненужное. Переживанія обозначаемыя нами однимъ словомъ и иногда трактуемыя психологически, какъ одно качественно определенное состояніе, въ дѣйствительности почти всегда представляетъ довольно сложную систему дина-

мическихъ токовъ, расположенную отъ периферіи къ центру или обратно. Анализированіе и распредѣленіе частей этой живой системы на рубрики, отдѣлы и подотдѣлы, если-бы это даже и было возможно, явилось бы своего рода психологической схоластикой. Это едва-ли могло-бы помочь изученію частныхъ вопросовъ и, конечно, ничего не внесло-бы въ пониманіе сознанія, какъ цѣлаго. Для этого пониманія существенно важно лишь принять и понять динамическую природу сознанія въ ея двухъ динамическихъ знакахъ и въ ея статическихъ измѣреніяхъ глубины. Такимъ путемъ у насъ получается, конечно, не классификація, а лишь извѣстная группировка переживаній. Весь смыслъ этой группировки только и состоитъ въ возможности понять значеніе каждаго переживанія въ составѣ цѣлаго, какъ живой, а не мертвой системы, — системы движеній, а не „состояній“. Въ этой группировкѣ мы отмѣчаемъ нѣсколько различныхъ поясовъ отъ поверхности до глубины. Изъ нихъ въ направленіи динамической рецептивности самыми общими и основными поясами являются: 1) ощущенія и воспріятія, 2) мысленныя содержанія и 3) чувства. Изъ нихъ только третья группа по динамическому знаку всегда одинакова, первая же и вторая, какъ мы уже указывали, раньше можетъ имѣть и активный характеръ. И при этомъ слѣдуетъ сказать, что если ощущеніе „дѣйствія“ болѣе или менѣе обособляется отъ ощущеній чистаго воспріятія, то въ сферѣ мысли происходитъ весьма тѣсное взаимопроникновеніе и взаимодействие движеній различныхъ динамическихъ знаковъ. Поскольку мысль есть воспроизведеніе опыта, а также поскольку въ нее включаются содержанія воспріятій, она по своей динамической природѣ есть несомнѣнно энергія нѣкоторыхъ входящихъ въ наше сознаніе формъ и структуръ. Однако поскольку въ пониманіи, дополненіи, а равно образованіи новыхъ схемъ мысли участвуетъ и наше единство сознанія и поскольку оно именно объединяетъ многообразное содержаніе мыслей, эта извнѣ приходящая энергія подвергается глубокой переработкѣ и осложненію со стороны энергетическихъ импульсовъ чисто внутренняго происхожденія. Поэтому поясъ мысленныхъ содержаній приходится относить и къ области рецептивныхъ, и къ области активныхъ переживаній. Правда при различныхъ психологическихъ условіяхъ возникаютъ по преимуществу активныя или пассивныя группы мысленныхъ содержаній. Конечно Шекспиръ или какой-либо другой авторъ во время творчества своихъ произведеній совершенно по иному переживалъ со-

держанія своихъ произведеній, чѣмъ тысячи и миллионы ихъ читателей. Это иное и заключается главнымъ образомъ въ динамическомъ знакѣ. Такимъ образомъ научная идея или Шекспировская трагедія, прошедшая черезъ мысль автора была переживаема главнымъ образомъ активно-динамически, воспріятіе-же ихъ къ-мъ нибудь въ чтеніи является по преимуществу переживаніемъ рецептивнымъ.

Если мы обратимся къ поясамъ переживаній активнаго характера, то мы можемъ намѣтить здѣсь вполне симметричныхъ три пояса отъ глубины къ периферіи. Однако эти пояса еще менѣе совпадаютъ съ обычными психологическими группировками. Если мы выдѣлимъ специально во 2-ую группу мысленнаго содержанія активнаго характера, то такъ называемыя волевыя проявленія окажутся у насъ расположенными во всѣхъ трехъ поясахъ отъ центра до периферіи.

Несомнѣнно, что область волевыхъ переживаній есть по своей глубинѣ нѣчто чрезвычайно разнообразное. Въ самомъ дѣлѣ есть глубокая разница между тѣмъ движеніемъ души, которое выражается только въ словахъ „я желаю“ или „я хочу“ съ одной стороны,—и словами „я дѣлаю“ или „я исполняю“ съ другой. Но во всѣхъ этихъ переживаніяхъ несомнѣнно имѣется динамическій импульсъ изнутри во внѣ, т.-е. именно то, что называется волей, актомъ или дѣйствіемъ. Все это различныя стадіи волевого акта, зарождающіяся въ видѣ спокойнаго рѣшенія или избранія, осуществляющаго затѣмъ эти рѣшенія сначала внутри сознанія, путемъ приведенія чувствъ, мыслей и представленій въ соотвѣтствующій рѣшенію строй, и затѣмъ переходящія во внѣ черезъ посредство органовъ тѣла главнымъ образомъ мышцъ. Хотя въ сознаніи все это происходитъ слитно и неразрывно, однако различныя по глубинѣ стадіи этого единаго процесса ярко отличаются своими оттѣнками, сложностью или простотою, а главнымъ образомъ близостью или отдаленностью отъ „я“, какъ единства сознанія. Такъ мы ясно сознаемъ, что рѣшаетъ и избираетъ именно „я“ что оно какъ бы исходитъ въ свое рѣшеніе и съ нимъ отождествляется. Рѣшеніе или избраніе, какъ актъ, наиболѣе просто; это есть почти нерасчлененное единство волевого импульса, который въ дальнѣйшемъ своемъ внутреннемъ и внѣшнемъ выполненіи развѣтвляется на сложную систему средствъ. Если мы будемъ имѣть въ виду именно только это „рѣшеніе“ или „избраніе“, иногда даже застывающее на мысли: „я приведу это въ исполненіе завтра“, то мы ясно увидимъ внутреннее спокойствіе этой стадіи акта.

Здѣсь еще нѣтъ ни лишняго удара пульса, ни сокращенія какого-либо мускула. Это нѣчто подобное повороту магнитной стрѣлки на сѣверь—ничтожное дѣйствіе, имѣющее, однако, своимъ результатомъ послѣдующее громоздкое передвиженіе цѣлаго организма, иногда механизма, въ томъ же направленіи. Однако не все въ волевыхъ актахъ зарождается изъ центра, вѣрнѣе это даже наиболѣе рѣдкіе случаи. „Я“ принадлежитъ обыкновенно лишь рѣшеніе или согласіе на то, въ чемъ участвуетъ какая-то другая инициатива. Что-же это за инициаторы дѣйствій внутри сознанія? Это то, что въ обыденной рѣчи называется „желаніями“, „стремленіями“. Мы, конечно, часто говоримъ „я желаю“, „я стремлюсь“. Однако сравнительно рѣдко это бываетъ адекватно происходящему въ душѣ. Обыкновенно „я“ лишь соглашается или совпадаетъ съ возникшимъ въ сознаніи желаніемъ и стремленіемъ. Но кто-же этотъ первый пожелавшій и устремившійся? Для психологіи также трудно дать на это отвѣтъ, какъ и на вопросъ: кто первый почувствовалъ ожегъ или уколъ. А между тѣмъ этотъ послѣдній вопросъ вполне законный, ибо вѣдь не единство сознанія непосредственно обожгло о горячій предметъ. Ненаучное мышленіе отвѣтитъ на этотъ вопросъ, что ожегъ появился сначала въ палецѣ, фізіологъ или психологъ быть можетъ поправить, сказавъ, что психическое въ ожогѣ начинается не съ пальца, а съ окончаній развѣтвленій чувствующихъ нервовъ или съ коркового слоя мозга. Однако возможно-ли какъ-либо доказать, что ощущеніе возникаетъ лишь въ томъ, а не иномъ или одновременно съ тѣми, а не иными пунктами фізіологическаго процесса. Для психологіи важно и на нашъ взглядъ несомнѣнно лишь то, что внутри сознанія все живо, а не одно только единство сознанія. И какъ между периферіей и центромъ сознанія есть множество пунктовъ и поясовъ чувствительности, также точно имѣется и нѣсколько поясовъ активности. Быть можетъ наше сознаніе есть колонія живыхъ существъ, спаянная въ одно органическое цѣлое чувствилищемъ и волею единства сознанія. Такое предположеніе будетъ, конечно, уже выходомъ за предѣлы психологіи. Но намъ и нѣтъ надобности его здѣсь непременно поддерживать. Существенно лишь то, что желанія и стремленія зачинаются вовсе не отъ „я“, а возникаютъ передъ „я“ уже готовыми и весьма властными. „Я желаю“ и „я имѣю желаніе“ это два выраженія вовсе не синонимическія, а напротивъ подчеркивающія очень важную разницу въ волѣ, исходящей отъ глубины или возникающей лишь съ извѣстнаго уровня сознанія. Въ сознаніи кромѣ голоса „я“ существуетъ еще множе-

ство иныхъ голосовъ, которые приходится не только не отождествлять, но даже противопоставлять „я“. „Хочу“, какъ бы ни было оно мучительно и трудно, всегда спокойно, желаніе же бурно. Здѣсь почти то же соотношеніе, какъ и между спокойными чувствами и бурными эмоціями. И здѣсь также, какъ и въ эмоціяхъ, невнимательное или тенденціозное самонаблюденіе въ связи съ огрубленностью переживаній является причиной того, что психологи обыкновенно игнорируютъ несомнѣнную разницу между глубокимъ и тихимъ „рѣшаю“, „избираю“ и „хочу“ и бурными: „стремленіями“, „желаніями“ и даже порывами мускульной работы.

IV Глубина сознанія и личность.

Признаніе въ сознаніи измѣренія глубины является наиболѣе существеннымъ для выясненія понятія личности. Понятіе это, по происхожденію своему, вовсе не психологическое, но жизненно-практическое, а именно морально правовое. Оно всегда страдало той неопредѣленностью и туманностью, которая вообще свойственна понятіямъ, возникающимъ внѣ научной мысли и научнаго интереса. Въ данномъ случаѣ дѣло осложняется еще и тѣмъ, что для понятія личности въ современной научной психологии не имѣется даже никакой почвы, поскольку такой почвой можетъ быть субстанціальное пониманіе души или, по крайней мѣрѣ, признаніе души чѣмъ-то большимъ, чѣмъ простая совокупность тѣхъ или иныхъ энергій или процессовъ. Однако, психология не въ правѣ изолироваться отъ этого понятія и въ силу одного уже его жизненнаго значенія должна или принять его въ свое вѣдѣніе и указать его психологическую основу и мѣсто, или категорически отвергнуть, какъ своего рода мнѳологическую фикцію. Всѣ вышензложенные нами взгляды обязываютъ насъ къ первому.

Понятіе личности, какъ и многія другія психологическія понятія и обозначенія сверхчувственнаго, ведетъ свое происхожденіе отъ физическаго, чувственнаго образа (русское „лицо“, латинское „persona“-маска). Въ немъ выражается, прежде всего, то индивидуально-характерное, что служило бы безспорнымъ и явственнымъ отличіемъ одной особи отъ другой. Однако это отличительное должно быть также и стойкимъ и во всякомъ случаѣ, сравнительно неизмѣннымъ. Такимъ образомъ индивидуальность, характерность, неизмѣнность — вотъ три бросающихся въ глаза признака, изъ которыхъ образуется данное

понятіе. Легко, однако, видѣть, что этихъ признаковъ недостаточно, и что, во всякомъ случаѣ, не ими одними исчерпывается его *differentia specifica*. Уже даже въ первоначальномъ, на первый взглядъ, чисто физическомъ смыслѣ этого слова дѣло идетъ, несомнѣнно, не объ однихъ признакахъ узнаваемости или отличаемости. Вѣдь если бы дѣло шло только о характернѣйшемъ, неповторяемомъ и неизмѣнномъ, то многое въ природѣ человѣка могло бы замѣнить человѣческое лицо. Не болѣе ли характеренъ и неповторимъ установившійся почеркъ или линіи ладони. Одиссей былъ узнавъ своими слугами не по лицу и не по духовнымъ проявленіямъ, а по рубцу на кожѣ, женою же—по знанію секретнаго устройства кровати. Но не почеркъ, не дактилоскопія и не примѣты интересуютъ насъ въ человѣкѣ, а лицо, какъ выраженіе души. Такимъ образомъ, уже въ физической области дѣло идетъ, въ концѣ-концовъ, не о своеобразіи внѣшнихъ чертъ, а о чемъ-то лежащемъ глубже и тоже индивидуальномъ, характерномъ и сравнительно неизмѣнномъ. Въ понятіи личности, возникающемъ на почвѣ моральнаго, вообще, духовнаго интереса къ человѣку, эта глубинность является особенно подчеркнутою. Характерными могутъ быть и многія поверхностныя особенности индивидуальнаго сознанія, и даже ставшее въ сознаніи почти автоматическимъ, но все это при своей стойкости и характерности можетъ быть почти чуждымъ „я“. Кто отнесетъ къ составу личности привычную любезность и обходительность, проявляемую благовоспитаннымъ человѣкомъ, или наоборотъ неуклюжесть невоспитаннаго. Вѣдь сами носители этихъ свойствъ часто не отождествляютъ ихъ съ собой и иногда борются съ этимъ привычнымъ въ себѣ, иногда-же сохраняютъ, отлично понимая условность и неглубокость своихъ характерныхъ проявленій. Въ противоположность этому, личность есть нѣчто интимнѣйшее, внутреннее — „я самъ“, каковъ я есть, не для другихъ, а въ своемъ самочувствіи. Именно потому личность наиболѣе охраняется въ своемъ моральномъ достоинствѣ и онтологической цѣлостности. Однако, не находится ли глубина въ антагонизмѣ съ характерностью? Казалось-бы, въ глубинѣ единства сознанія нѣтъ уже ничего характернаго. Тамъ, гдѣ остается чистое „я“, что можетъ отличить это „я“ отъ другихъ „я“. На самомъ же дѣлѣ, эта неотличимость различныхъ „я“ другъ отъ друга и ихъ кажущаяся бессодержательность — чистѣйшій миражъ отвлеченной мысли. „Я“ есть конкретнѣйшее изъ всѣхъ содержаній доступнаго намъ опыта (ибо именно въ немъ

заклѣчается срѣсшееся въ реальное единство многообразіе) и потому наиболѣе искажаемое частымъ отвлеченіемъ. Конечно, отвлеченно поставленные мыслью различныя „я“ такъ же неотличимы другъ отъ друга, какъ отдѣльныя ариѳметическія единицы. Но уже по своему положенію въ міръ они, конечно, отличаются. Однако, это лишь мертвое для нихъ отличіе извнѣ. Ихъ основное и живое отличіе невыразимое для мысли именно и обозначается словомъ „я“. Его прямой смыслъ состоитъ вѣтъ въ этомъ непрерывно переживаемомъ самочувствіи. Нельзя имѣть два экземпляра такихъ переживаній. По крайней мѣрѣ, для каждаго даннаго самочувствія всякое другое отлично именно тѣмъ, что оно имъ только мыслится, но не переживается. Конечно, мысля другія самочувствія, мы ихъ уподобляемъ своему, мысленно повторяя свое же самочувствіе какъ иное тамъ-то, и тамъ-то съ различными уже психологическими содержаніями. И именно это непрерывное самочувствіе, какъ переживаніе, неповторимо и охраняется нами въ своей и чужой личности. Это особенно сказывается въ вопросѣ о безсмертіи. Страхъ смерти и жажда безсмертія относятся ни къ чему иному, какъ къ личности. Никого не утѣшило-бы обѣщаніе, что тотчасъ послѣ смерти появится такой-же точно индивидуумъ, съ такимъ-же характеромъ, доблестями и недостатками и. быть можетъ, даже и наружнымъ видомъ неотличимый отъ умершаго. На такое обѣщаніе сейчасъ-же можетъ послѣдовать вопросъ: „да это буду я или это будетъ уже кто-то другой“? Задавшій такой вопросъ можетъ ясно не понимать въ чемъ-же отличіе „я“ отъ „другого“, когда они совершенно одинаковы. Однако, психологу и философу было-бы непростительно не понять правомѣрности этого вопроса. Вѣдь вопрошающій, въ концѣ-концовъ, заботится лишь объ одномъ, а именно, чтобы непрерывность его самочувствія окончателно не прервалась. Что изъ того, что другой экземпляръ В будетъ вполне подобенъ А. Но вѣдь А заботится не о повтореніи себя подобныхъ, а о сохранности его самого, о его непрерывности. Правда, и въ этой жизни наше самочувствіе прерывается и нарушается сномъ и забвеніемъ прошлаго. Однако, все это не представляетъ полнаго разрыва сознанія, поскольку память возвращаетъ все же основное прошлое. Что изъ того, что вчерашній день отдѣлился отъ меня пустотою сна, когда этотъ вчерашній день и все кажущееся существеннымъ пришло и ожило во мнѣ сегодня съ первымъ пробужденіемъ сознанія и я ясно сознаю, что я тотъ-же, что и вчера, тотъ-же именно въ томъ, что я отождествляю съ

своимъ „я“. Такимъ образомъ. то, что человекъ охраняетъ въ себѣ, какъ личности, охраняетъ и отъ исчезновенія и отъ всякихъ покушеній, — есть именно непрерывающееся „я“ со всѣми его характерными и, сравнительно, неизмѣнными переживаніями. Всѣ эти три признака, а именно непрерывность черезъ „я“, неизмѣнность и характерность необходимы для яснаго сознанія своей личности. Однако, одна динамическая или энергетическая непрерывность бытія не создала-бы еще сознанія личности. Въ сознаніи душевно-больного, потерявшаго память и забывающаго свое имя, своихъ близкихъ и то, что съ нимъ было пять минутъ назадъ, несомнѣнно, есть эта непрерывность. Однако, поскольку каждый моментъ его бытія слѣпъ въ отношеніи предыдущаго и послѣдующаго, поскольку внутренній свѣтъ его мысли и сознанія освѣщаетъ только текущее настоящее безъ всякой осмысливающей связи съ прошедшимъ, это уже не личность, а состояніе близкое къ животному. Лишь непрерывность „я“ освѣщаемая памятью, связующая мыслью прошлое, настоящее и будущее создаетъ личность. Что касается до характерности, то, хотя этотъ признакъ не является основнымъ, ибо даже и шаблонные люди сознаютъ въ себѣ личность, однако, характерность несомнѣнно повышаетъ сознаніе личности, создаетъ условія и для внутренней и для внѣшней ея акцентуаціи. Итакъ, вопреки кажущейся отвлеченной неотличимости, каждое „я“ среди другихъ „я“ по своему самочувствію, само по себѣ не, только что отличимо отъ всего иного, хотя-бы и почти тождественнаго, но и незамѣнимо и неповторимо. Столь же несомнѣнно и то, что оно не безсодержательно. Правда, его содержаніе не перечестъ и не назвать никакимъ словомъ, но, быть можетъ, только потому, что оно не раскрыто для дискретнаго опыта и еще больше дискретнаго разсудочнаго мышленія. Здѣсь опять разительный случай слабости мысли выразить реальное. Впрочемъ, такіе случаи не единичны. Для прозрѣвшаго слѣпородженнаго все сложное поле зрѣнія, а тѣмъ болѣе простой красный цвѣтъ, есть нѣчто неназываемое, неопишное, неосмысленное и потому только простое „нѣчто“. Но не есть-ли и наше „я“ такое простое „нѣчто“ именно потому, что мы въ отношеніи его въ достаточной мѣрѣ слѣпы, что оно, несмотря на свою привычность, все-же для нашей мысли неодолимо, и неодолимо именно потому, что въ себѣ самомъ неразложимо, а въ отношеніи всего другого ни съ чѣмъ инымъ несравнимо. Но мысль сама должна и подтвердить эту свою слабость

въ отношеніи „я“, появивъ, что оно просто не можетъ быть пустымъ, безсодержательнымъ. И это пониманіе имѣетъ свой фактическій базисъ. Въ самомъ дѣлѣ, если-бы „я“ было пустой безсодержательной единицей, то какъ-бы оно могло давать то или иное содержаніе оцѣнки всему тому, что оно сознаетъ, какъ-бы оно могло дѣйствовать, т. е. претворяться въ то иное, что подлѣжитъ его дѣйствию. Если „я“, какъ единство сознанія, оцѣниваетъ, если „я“ рѣшаетъ и затѣмъ дѣйствуетъ — то оно реально — если оно реально, то оно не пусто, т. е. не безсодержательно, — вотъ простой и неизбѣжный выводъ изъ столь-же простыхъ и неоспоримыхъ фактовъ оцѣнки, рѣшенія и дѣйствія. Не принять этого вывода можетъ только тотъ, кто полагаетъ, что оцѣнивать, рѣшать и дѣйствовать можетъ и не единство, а совокупность. Но это роковое недоразумѣніе психологіи мы уже разсматривали въ началѣ нашей статьи. Итакъ, уже въ этомъ чистомъ „я“ заключается достаточная основа для понятія личности, поскольку оно характерно, содержательно и относительно неизмѣнно. На самомъ-же дѣлѣ, понятіе личности „я“, какъ единствомъ сознанія, не исчерпывается. Къ нему относится и все непосредственно прилежащее къ „я“. Но почему только прилежащее, а не все то, что „я“ называетъ своимъ и относитъ къ своей природѣ, хотя-бы и не отождествляя съ собой? Для отвѣта на этотъ вопросъ необходимо обратить вниманіе на самый существенный моментъ въ сознаніи личности и въ соответствующемъ понятіи о личности. Этотъ моментъ состоитъ въ отождествленіи „я“ или единства сознанія съ различными своими переживаніями. Та область сознанія, которая подвергается этому отождествленію, далеко не одинакова у разныхъ людей и даже у одного человѣка при различныхъ условіяхъ. Одинъ человѣкъ отождествляетъ съ своимъ „я“ свой „образъ мыслей“, другой — по преимуществу свою совѣсть, третій — свои привычки и пристрастія духовнаго порядка, наконецъ, весьма обычно отождествленіе своего существа съ переживаніями своего внѣшняго уклада. Есть разрядъ людей, которые съ полной адекватностью своему внутреннему сознанію могли-бы сказать: „я“ — это мое платье, обстановка моей квартиры, мои ордена и чины, мое веселое и обходительное общеніе съ знакомыми и дѣловыми людьми и т. д. и т. д. — Для такихъ людей пятно на смокингѣ бываетъ иногда не менѣе чувствительно, чѣмъ для другого пятно на его совѣсти. Будемъ ли мы имѣть въ сознаніи „я“, отождествившемъ себя со смокингомъ, личность? Несомнѣнно, что само лицо, о которомъ возникъ бы

такой вопросъ, ни на минуту не усомнилось-бы въ признаніи себя личностью. И оно, несомнѣнно, имѣло бы на это извѣстныя права. Вѣдь и его сознание переживаетъ эту непрерывность самочувствія, которая позволяетъ ему сказать про себя: „я одно и то же существо за все время, что я себя помню“. Несомнѣнно также, что такой человекъ обладаетъ своеобразнымъ и незамѣнимымъ обликомъ и извѣстной неизмѣнностью душевнаго строя. Однако, есть одно существенное обстоятельство, которое позволяетъ съ объективной точки зрѣнія подвергнуть его субъективное самочувствіе недовѣрію. Это обстоятельство заключается въ меньшей зависимости внѣшнихъ слоевъ душевной жизни отъ единства сознанія или „я“. Человекъ, живущій внѣшнимъ укладомъ жизни, гѣмъ самымъ погружается въ такую область бытія, гдѣ его „я“ играетъ наименьшую роль и обратно становится въ наибольшую зависимость отъ внѣшняго міра. Поскольку личность отождествляетъ себя съ внѣшними переживаниями и вообще строитъ сознанія, непосредственно примыкающимъ къ внѣшнему взаимодействию, — такая личность превращается въ нѣкоторую зависимую переменную отъ формы и условій этого взаимодействия. Въ результатъ, она есть то, что напечатлѣваетъ на нее внѣшняя среда, т. е. физическія условія, нравы, обычаи, взгляды окружающихъ. Въ самомъ дѣлѣ, на что обопрется гордое самочувствіе человека внѣшности, основанное на томъ, что онъ „какъ всѣ“ или даже имѣетъ преимущество передъ всѣми въ области своей матеріальной обстановки, если эта обстановка въ одинъ прекрасный день исчезнетъ; на что направится его энергія, если она безвозвратно потеряетъ привычное поле дѣйствія. Не окажется ли этотъ неизмѣнный строй души и весь кругооборотъ его жизни, державшійся только на неизмѣнномъ же строѣ внѣшнихъ условій, сорвавшимся со своей оси. Но и при такомъ срывѣ человекъ, конечно, будетъ думать, что онъ „тотъ же самый“. Но какъ повѣрить ему въ этомъ, когда всѣ его проявленія станутъ иными, когда въ томъ, въ чемъ ему довѣряли уже нельзя будетъ довѣрять, и то, что казалось съ его стороны невѣроятнымъ станетъ возможнымъ и дѣйствительнымъ. Но за другими не потеряетъ-ли, въ концъ-концовъ, къ себѣ довѣріе и онъ самъ и не скажетъ-ли въ одинъ прекрасный день: „я ли это?“ Но есть-ли такое существо личность, въ томъ жизненно-моральномъ смыслѣ, которое опредѣляетъ данное понятие. Личность, кромѣ характерности и своеобразія, это есть всегда то связанное и прочное въ душѣ, что не подвержено разрывамъ ясно сознаваемого содер-

жанія души съ ея единствомъ въ „я“. Наконецъ, и самая характерность внѣшнихъ поясовъ сознанія, какъ зависящая отъ внѣшнихъ условій, относится лишь къ деталямъ, а не къ основному. Вообще это своеобразіе внѣшности образуетъ обыкновенно массовыя сходства или типы. Но стойкость и характерность личности существенно отличается отъ стойкости и характерности типа. Отличаются они именно тѣмъ, что въ личности характерное исходитъ изъ „я“, въ типѣ же — формируется внѣшними условіями.

Но что же въ сознаніи это ближайшее и наиболѣе зависимое отъ „я“? Несомнѣнно, это чувства и воля, какъ основныя оцѣнки, вкусы, избранія. И здѣсь прежде всего приходится остановиться на чувствахъ. Вопреки обычному взгляду, полагающему основу человѣческаго самоопредѣленія, какъ личности, въ волѣ, мы придаемъ въ этомъ отношеніи чувству гораздо большее значеніе. Чувство, правда, имѣетъ знакъ динамической пассивности и въ силу этого, казалось-бы, есть, главнымъ образомъ, отпечатокъ внѣшняго. Здѣсь на первый взглядъ, нѣтъ и тѣни самоопредѣленія. Быть можетъ это и такъ. Но зато здѣсь есть то, что раньше всякаго самоопредѣленія и отъ чего это самоопредѣленіе прямо зависитъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ это вовсе не отпечатокъ внѣшности, какъ съ извѣстнымъ правомъ можно было-бы сказать про ощущенія, а внутренне-обусловливаюція переживаніе.

Чувство, какъ мы это уже отмѣтили, состоитъ вѣдь не въ томъ, что внѣшнее что-то говоритъ нашему „я“, а въ томъ, что наше „я“ что-то отвѣчаетъ проникающему до него внѣшнему. Правда, это еще не динамическій отвѣтъ; въ немъ нѣтъ еще никакого движенія изнутри во внѣ. Это только еще своеобразіе приѣма. Если здѣсь и есть динамизмъ, то это динамизмъ какъ-бы душевной упругости. На разнаго рода воздѣйствія, вошедшія извнѣ и пріобрѣтшія опредѣленный смыслъ черезъ соотвѣтствующія случаю мысли и представленія, наше „я“ какъ-бы отвѣчаетъ: „въ отношеніи этого я есть любящее или ненавидящее, или радующееся или страшящееся“. Но въ этой выявленной качественно себя самого оно уже опредѣляетъ и все дальнѣйшее, т. е. и свой динамическій отвѣтъ во внѣ. Если „я“ оказывается любящимъ въ отношеніи того или иного, то уже слѣдующимъ результатомъ этого будетъ мысленная или ирраціональная оцѣнка соотвѣтствующаго воспріятія или представленія, какъ въ какомъ-то смыслѣ хорошаго. Изъ этой оцѣнки и слагаются стойкіе вкусы. Это уже извѣстнаго рода отображенія изъ „я“, но только не во

внѣ, а на ближайшемъ къ „я“ и все еще внутреннемъ „экранѣ“ мысленныхъ содержаній. Изъ этой дѣятельности образуются моральныя, эстетическія и отчасти интеллектуальныя убѣжденія и критеріи. Какъ ни глубоко все это по отношенію ко всему душевному содержанію, но чувства все-же глубже. Чувства, это, можно сказать, первыя качества самого „я“, его атрибуты. Воля въ конечномъ итогѣ выполняетъ лишь то, что ей продиктовало чувство. какъ первая оцѣнка. Только одна область сознанія представляется равнозначной чувству по значенію въ самоопредѣленіи. Эта область, обозначаемая суммарно разумомъ, умомъ. Но въ этой области надо опять сдѣлать весьма существенное различіе. Необходимо отмѣтить область мысленныхъ содержаній (представленій, понятій, сужденій, вообще всѣхъ формъ мысли) отъ познавательной, вообще умственной дѣятельности. Эта послѣдняя опирается въ конечномъ счетѣ на оцѣнки, исходящія изъ „я“. Эти оцѣнки уже не суть самыя мысли. Они лишь производятъ мысли, устанавливая между ними законмѣрныя соотношенія. Что такое эта оцѣнка истиннаго и ложнаго, логически вытекающаго или противорѣчащаго, — этого мы, конечно, не будемъ здѣсь разбирать въ качествѣ гносеологической проблемы. Мы не можемъ лишь не констатировать того, что эта оцѣнка съ психологической стороны, такъ же, какъ и оцѣнка эстетическая, моральная, вообще ирраціональная, исходитъ непосредственно изъ единства сознанія или „я“. Она, несомнѣнно, глубоко отличается отъ нихъ по своему характеру объективности. Исходя изъ „я“, эта оцѣнка все время соотнобразуется съ міромъ „не я“, имѣетъ въ виду именно его, а вовсе не собственное „я“. Но по происхожденію она также центральна, какъ и оцѣнка чувствъ, и ей, несомнѣнно, принадлежитъ одна изъ основныхъ ролей въ выработкѣ строя личности. Слѣдующимъ моментомъ въ образованіи личности являются всякаго рода душевныя и з б р а н і я. Подъ избраніями мы разумѣемъ уже болѣе или менѣе конкретныя рѣшенія, однако, все же еще рѣшенія общаго характера, предопредѣляющія путь развитія при всякихъ данныхъ конкретныхъ обстоятельствахъ.

Всѣ, обозначенныя нами области и переживанія, опредѣляютъ личность и изъ нихъ, собственно, личность и состоитъ. Яркая личность есть та, у которой прежде всего живы чувства, прочны и глубоко заложены оцѣнки и вкусы, при чемъ избраніе повинуется голосу оцѣнокъ и вкусовъ, несмотря ни на какія внѣшнія препятствія. Въ томъ, что мы отнесли къ содержанію личности, область волевыхъ актовъ почти отсутствуетъ. Изъ этой области мы

указали только первую по глубинѣ стадію воли, обозначенную нами терминомъ „избраніе“. Это, несомнѣнно, не случайно. Волевые движенія, какъ таковыя, собственно мало характеризуютъ личность и, скажемъ мы вопреки общепринятому взгляду, даже мало служатъ ея самоопредѣленію. То, что обыкновенно называютъ волей, это, въ концѣ концовъ, инструментальная часть души. Ею опредѣляется успѣхъ или неуспѣхъ личности — тотъ слѣдъ, который она оставляетъ въ исторіи, но не самая личность; точно также, какъ ни инструментомъ, ни техникой опредѣляется художественный вкусъ и талантъ. Личность можетъ быть яркой и значительной безъ всякихъ замѣтныхъ волевыхъ проявленій. Развѣ артистъ, у котораго сломается инструментъ, перестаетъ быть артистомъ. Воля тоже нерѣдко бываетъ надломана. Идущіе изнутри зовы и повелѣнія не доходятъ до вѣншихъ осуществленій и безсильно возвращаются назадъ. Но если природа „я“ не сдается передъ вѣншимъ, личность не деформируется. Вообще, сила личности не въ бурныхъ порывахъ души, которые, при всей своей бурности и порывистости, могутъ быть измѣнчивы, а въ неуклонности, которая неизбѣжно тѣмъ тише, чѣмъ глубже. И именно тихое упорство въ человѣкѣ опредѣляетъ его бури и тяжкія порывы его воли. Такъ тихая и легкая стрѣлка бусоли своей неуклонной направленностью къ сѣверу водителъствуетъ тяжкія громады судовъ и по своему „движетъ“ ихъ тяжелыми механизмами. Въ итогѣ нашего анализа пониманія личности мы можемъ опредѣлить личность, какъ наибольшую связанность единства сознанія или „я“ съ глубинными неизмѣнными и характернѣйшими переживаніями. Человѣкъ, какъ существо, по преимуществу мыслящее и постоянно объемлющее памятью все свое душевное содержаніе, по природѣ своей предназначенъ быть именно личностью и, за исключеніемъ патологическихъ случаевъ, несомнѣнно и представляетъ собою личность. Въ этомъ отношеніи всѣ люди, какъ по внутреннему осознанію своей личности, такъ и по признанію со стороны себѣ подобныхъ, имѣютъ лишь степенное, а не принципиальное отличіе другъ отъ друга.

Характеризуя яркость личности глубиной тѣхъ переживаній, съ которыми отождествляетъ и связываетъ себя „я“, какъ единство сознанія, мы, несомнѣнно, вводимъ нѣсколько новое пониманіе „глубины“ по сравненію съ тѣмъ, о которомъ мы говорили, опредѣляя ситуацію переживаній. Тамъ мы опредѣляли эту глубину близостью къ „я“, — здѣсь же мы говоримъ о глубинѣ,

какъ о чемъ-то независимомъ отъ „я“ и наоборотъ, какъ-бы приписываемъ „я“ способность спускаться глубже или обращаться къ поверхности, отождествляя себя то съ глубиною, то съ периферіей. Въ этихъ двухъ понятіяхъ глубины нѣтъ никакого противорѣчія, но лишь второе дополняетъ первое. Дѣйствительно, въ сознаніи необходимо отличать глубину относительную и глубину абсолютную. И если мы начали съ первой, опредѣляя положенія переживаній въ отношеніи „я“, то здѣсь, говоря о личности, центральнымъ пунктомъ которой является именно „я“, намъ необходимо перейти ко второму, въ концѣ концовъ, болѣе существенному понятію глубины сознанія. На отличіи той и другой необходимо однако нѣсколько остановиться. Во всякомъ сознаніи его единство представляетъ, несомнѣнно, нѣкоторый опорный пунктъ въ отношеніи расположенія всѣхъ переживаній. И то, съ чѣмъ оно наиболѣе отождествляется, является наиболѣе глубокимъ по сравненію съ тѣмъ, что такъ или иначе объективируется или даже противопоставляется „я“. И въ этомъ смыслѣ мы и установили пояса глубины, занимаемые въ направленіи отъ периферіи къ центру ощущеніями, мысленными содержаніями, чувствами и отъ центра къ периферіи различными формами волевыхъ актовъ, а также мысленными содержаніями и ощущеніями активнаго характера. И это есть глубина сознанія въ относительномъ смыслѣ. Однако, и само единство сознанія, являясь наиболѣе глубокимъ пунктомъ эмпирическаго сознанія, можетъ какъ-бы перемѣщаться въ отношеніи глубины, принимаемой въ болѣе общемъ смыслѣ. Понятіе о такой глубинѣ мы получаемъ изъ сравненія психологическаго содержанія различныхъ сознаній. Для всякаго отдѣльнаго сознанія чувства и волевыя избранія являются, несомнѣнно, наиболѣе глубокими переживаніями. Однако, если мы сравнимъ эти переживанія у различныхъ индивидуумовъ, то увидимъ между ними большую разницу. У однихъ чувства являются ближайшимъ отзвукомъ ощущеній. Ихъ грусть, радость, любовь представляютъ обыкновенно простой рефлексъ въ единствѣ сознанія какой-нибудь боли, физическаго неудовлетворенія или, обратно, физическаго-же наслажденія. Таковы же по существу ихъ избранія; они примыкаютъ ближайшимъ образомъ къ чему нибудь чувственному, т.-е. периферическому. Таково, обыкновенно, сознаніе дѣтей. Но по мѣрѣ развитія душевной жизни и особенно подъ вліяніемъ усложненія мысленныхъ содержаній въ сознаніи появляется множество новыхъ переживаній, какъ-бы порожденныхъ самимъ единствомъ, благодаря его-же работѣ не

въ чувственныхъ, а болѣе глубокихъ слояхъ сознанія. Въ результатѣ, у людей со сложной и богатой душевной жизнью чувства, оцѣнки и волевья избранія зачастую не имѣютъ ничего общаго съ перефирической чувственной жизнью сознанія. Человѣкъ въ такихъ случаяхъ является носителемъ, какъ-бы имъ самимъ созданнымъ, правда, при взаимодействіи съ внѣшнимъ міромъ, міромъ цѣнностей, интересовъ и законовъ, значительность и богатство которыхъ открывается ему постепенно и при томъ никакъ не извѣстнѣ. Это нарастаніе и усложненіе внутренней жизни сознанія идетъ, несомнѣнно, въ глубину въ томъ смыслѣ, что все болѣе и болѣе удаляется отъ внѣшностей физическаго міра и дѣлается отъ него все болѣе и болѣе независимымъ. Если мы примемъ въ расчетъ, что это углубленіе жизни сознанія обогащаетъ его переживаниями не исключительно индивидуальными, а общими съ другими сознаніями, далѣе, что въ этомъ развитіи сознанія есть своя закономерность и общность пути, то наше понятіе глубины въ абсолютномъ смыслѣ, т.-е. выходящемъ изъ предѣловъ каждаго сознанія, окажется, думается, имѣющимъ извѣстное основаніе. Въ самомъ дѣлѣ, для каждаго сознанія оказывается существующей богатая область переживаній, которая имъ не достигнута, но которую оно можетъ постепенно завоевывать, оперируя на достигнутыхъ уже глубинахъ, какъ-бы раскапывая свое эмпирическое содержаніе въ извѣстномъ направленіи (противуположномъ чувственности) и постепенно приобщая къ извѣстному уже новое и неиспытанное. Въ этомъ новомъ и неиспытанномъ для него и заключается его абсолютная глубина. Мы можемъ пояснить эти наши два понятія глубины такимъ сравненіемъ. Предположимъ, мы имѣемъ въ какомъ нибудь мѣстѣ земной поверхности земляную выемку, предпринятую въ цѣляхъ разработки какой-нибудь руды. Въ этой выемкѣ, могущей имѣть весьма сложное устройство, есть, несомнѣнно, своя относительная глубина, быть можетъ, нѣсколько этажей подземныхъ корридоровъ и т. п. Конечно, дно этой выемки будетъ ея самымъ глубокимъ пунктомъ и, по отношенію къ этому дну, мы можемъ говорить о различныхъ поясахъ глубины данной шахты или выемки. Но, по отношенію къ землѣ вообще, это будетъ, конечно, глубина относительная. И самое глубокое мѣсто шахты можетъ оказаться весьма мелкимъ по сравненію съ тѣмъ дальнѣйшимъ углубленіемъ къ центру земли, которое здѣсь же будетъ произведено или которое достигнуто гдѣ нибудь по сосѣдству. Каждое сознаніе, дѣйствительно, имѣетъ подъ собой невѣдомый грунтъ возможной, обычно

недостигнутой, еще духовной жизни. И чѣмъ болѣе его вниманіе и его работа обращены въ сторону этого невѣдомаго, дающаго всегда сначала скудные отблески нашихъ будущихъ ясныхъ переживаній, тѣмъ быстрѣе и полнѣе раскрывается эта жизнь. Правда, жизнь сознанія расширяется и усложняется не только въ направленіи глубины, — ее несомнѣнно, обогатитъ и внѣшніи опыты и связанный съ нимъ циклъ мысленныхъ содержаній. Но есть специфическій ростъ и въ глубину. Если-бы возникъ вопросъ о характерныхъ признакахъ этого роста, то мы указали бы прежде всего на область неизмѣнныхъ и имѣющихъ независимое отъ физическаго міра моральныхъ, эстетическихъ и мысленныхъ оцѣнокъ и связанныхъ съ ними чувствъ и избраній. Если мы назовемъ людей того склада души, который любилъ изображать Достоевскій, глубокими личностями, то именно потому, что каждый изъ нихъ рождается какъ-бы съ особымъ внутреннимъ устремленіемъ, создающимъ въ его душѣ совершенно независимый строй оцѣнокъ, чувствъ и мыслей — строй совершенно непонятный для живущихъ одною внѣшностью и обладающій свойствомъ относительной неизмѣнности. Человѣкъ можетъ быть глубокомъ и въ злѣ и въ добрѣ, по преимуществу, въ моральныхъ или эстетическихъ вкусахъ, наконецъ, глубина переживаній можетъ обусловливаться и мысленнымъ содержаніемъ открывающимъ нѣкоторыя новыя и твердыя перспективы самоопредѣленія. Слѣдующимъ движеніемъ въ глубину является переходъ въ область уже такъ называемыхъ мистическихъ переживаній. Объ ней, конечно, можно судить лишь по сообщеніямъ лицъ, имѣющихъ мистическій опытъ. Если довѣрится такимъ сообщеніямъ, то окажется что съ ростомъ и укрѣпленіемъ строя души открываются и новыя способности взаимодействія съ міромъ, способности, уже независимыя отъ органовъ внѣшнихъ чувствъ и даже, какъ-бы находящіяся въ своей дѣятельности въ антагонизмъ съ послѣдними. Если существуетъ ясновидѣніе, какъ о томъ свидѣтельствуетъ опытъ мистиковъ, то органъ этой способности есть уже какой-то внутренній органъ, — настолько внутренній, что въ человѣческой анатоміи и физиологіи ему не имѣется никакого эквивалента. Однако, здѣсь надо уже видѣть и границы психологіи. Быть можетъ, со временемъ возможно будетъ говорить объ особой дисциплинѣ религіозной психологіи. Пока же для этого не имѣется достаточныхъ данныхъ въ развитіи возникающихъ въ этой области вопросовъ. Психологически можно установить лишь одно, что за эмпирическимъ обычнымъ сознаніемъ существуетъ область

возможнаго развитія и раскрытія сознанія въ глубину, и что это развитіе основано на соотвѣтствующемъ самоопредѣленіи личности въ направленіи ея вниманія, интересовъ и силъ не во внѣшнее, а именно во внутреннее, въ себя. Намъ остается лишь нѣсколько остановиться на вопросѣ: на чемъ-же основано это глубинное самоопредѣленіе личности? Несомнѣнно, что его стволъ „я“. Однако, есть-ли это „я“ послѣдняя инстанція и критерій всѣхъ рѣшеній. И наконецъ, что собственно таится въ этой загадочной инстанціи, уловимой для сознанія лишь отчасти. Подобно почкѣ растенія, скрывающей въ себѣ весьма богатое, однако, неразвернутое еще содержаніе, „я“ несомнѣнно есть нѣчто болѣе содержательное по сравненію съ тѣмъ, что уже обнаружилось въ сознаніи. И обратно, все ясно сознаваемое содержаніе далеко не исчерпываетъ содержанія „я“ и иногда, быть можетъ, даже ему противостоитъ. Вѣдь какъ-бы ни отождествлялось наше „я“ со своими чувствами и оцѣнками, оно все же отъ нихъ можетъ отречься, а иногда и отрекается и притомъ не по внѣшнему только принужденію. Просто все начинаетъ иначе чувствоваться и по иному оцѣниваться вообще, изнутри появляется другое. Такъ, растущая почка послѣ развертыванія обыкновенныхъ листьевъ съ нѣкоторой поры начинаетъ развертывать новыя формы цвѣтка. Конечно, это не только корень и стебель обусловили развертываніе въ почкѣ цвѣтка вмѣсто листьевъ, но также и лучи весенняго солнца. Однако, зародились они все-же въ незримой глубинѣ хотя-бы и по зову извнѣ. Такъ и въ сознаніи подъ непрестаннымъ воздѣйствіемъ внѣшняго и обратнымъ воздѣйствіемъ на внѣшнее наше „я“ пріуготовляетъ въ глубинѣ новыя образованія, которыя иногда выявляются наружу неожиданно и для самого „я“ и для постороннихъ. Скажемъ ли мы, наблюдая такія образованія, что личность потерпѣла разрывъ, что она потеряла себя. Такъ же не скажемъ, какъ не назовемъ растеніе другимъ именемъ только потому, что его почка вмѣсто листьевъ развернула цвѣтокъ. Личность, какъ и растеніе, развивается и это развитіе тѣмъ и отличается отъ надлома или потери личности, что новое идетъ не извнѣ, а изнутри. Эта внутренняя творческая область въ „я“ нами, несомнѣнно, несознаваема. Однако, ея бытіе несомнѣнно. Въ психологій эта область извѣстна подъ именемъ сублиминальнаго сознанія; для нѣкоторыхъ эта область „безсознательнаго“. Философія и религія иногда разсматриваютъ ее въ качествѣ сверхчувственныхъ и отчасти высшихъ формъ бытія, и даже враждебная метафизикѣ критическая философія

знаеть ее подъ именемъ ноуменальнаго. Мы не будемъ здѣсь опредѣлять, какое изъ этихъ обозначеній правильно или неправильно и что вообще съ нѣкоторымъ правомъ можно предполагать скрывающимся за этими неопредѣленными обозначеніями. Мы устанавливаемъ только тотъ многозначительный фактъ, что наше сознаваемое „я“ стоитъ между двухъ реальностей, одной нынѣ очень хорошо извѣстной и другой невѣдомой. Его сознаваемая глубина, по отношенію къ поверхностнымъ поясамъ сознанія, является, такимъ образомъ, глубиной относительной, а именно, скрывающей еще большую глубину для насъ уже темную и неразличимую. Однако, и въ ней имѣются свои проблески, поскольку, она открывалась временами мистикамъ. Наконецъ, во всякомъ творествѣ—научномъ, художественномъ и даже моральномъ развѣ не приподнимается временами завѣса въ эту область невѣдомаго, откуда диктуются неожиданныя рѣшенія, относительно которыхъ мы можемъ лишь сказать одно, — что изъ поля яснаго сознанія они не вытекаютъ. Вообще, если не въ своемъ личномъ опытѣ, то въ опытѣ сообщенномъ другими, невѣдомая глубина, въ которую, какъ корнями въ землю, погружено наше „я“, до извѣстной степени намъ все-же раскрывается. На эту же глубину разными способами намекаетъ намъ и внѣшній опытъ. Въ результатъ для нашей эмпирической личности предстоятъ два направленія въ ея развитіи, ростѣ. Какъ мы уже указывали нѣсколько ранѣе, самымъ существеннымъ условіемъ всякаго измѣненія личности является отождествленіе ея съ тѣми или иными ея переживаніями. Можно сказать, что въ этомъ отождествленіи и заключается самодѣятельный принципъ измѣненія личности. Наше „я“ не есть неподвижная точка въ глубинѣ сознанія. Оно можетъ отъ этой глубины какъ-бы подниматься къ периферіи и отождествляться съ близъ лежащими къ периферіи поясами переживаній и можетъ, наоборотъ, спускаться глубже той области, въ которой оно только что находилось. Конечно, „подъемы“ и „опусканія“, это лишь образныя выраженія. Въ концѣ концовъ дѣло идетъ о томъ, съ какими реальностями посредственно и непосредственно взаимодействующими съ нашимъ „я“ оно соединяетъ свое самочувствіе и, въ концѣ-концовъ, свою судьбу. Психологически вся жизнь сознанія состоитъ въ сопряженіи множества съ единствомъ. Многое создается въ одномъ и одно во многомъ. Мы не знаемъ механизма этихъ отождествленій какъ либо теоретически, но практически мы это дѣлаемъ ежемгновенно, интересуясь, принимая участіе и воздѣйствіе то на

то, то на другое въ нашемъ сознаниі. Всѣ эти переживанія иначе и неосуществимы, какъ путемъ хотя-бы временнаго отождествленія съ тѣмъ, на что направлены наши, интересъ, участіе и работа. А съ чѣмъ мы отождествляемся, съ тѣмъ мы и связываемъ нашу судьбу. Такъ незамѣтно наше „я“ рѣшаетъ свою участь не столько внѣшними путями, сколько внутренними привязанностями внутри сознанія. Если мы будемъ имѣть здѣсь въ виду два направленія глубины и поверхности, то мы можемъ сказать лишь одно: личность образуется не на поверхности и не въ обращеніи къ поверхности она растетъ и крѣпнетъ. Но и въ глубинѣ имѣются не одинаковые пути, зависящіе отъ разныхъ отождествленій съ областью чистой мысли, съ областями вѣры и тѣхъ или иныхъ чувствъ. И здѣсь, въ этихъ областяхъ приготавливается будущее нашей личности, ея ростъ и совершенствованіе, ея надломы и паденіе. Но ближайшее разсмотрѣніе этихъ процессовъ, а тѣмъ болѣе, та или иная ихъ оцѣнка относится уже всецѣло къ области этики.

С. Аскольдовъ.
